

ДОРОГИ, КОТОРЫМ НЕТ КОНЦА

ЧАРЛЬЗ
МАРТИН

Чарльз Мартин

Дороги, которым нет конца

ООО "Эвербук"

2016

Мартин Ч.

Дороги, которым нет конца / Ч. Мартин — ООО "Эвербук", 2016

ISBN 978-5-00-580198-2

Купер возвращается домой в Колорадо другим человеком. Он считает, что его музыкальная карьера окончена, а любовь всей жизни потеряна навсегда. На отложенные деньги он восстанавливает когда-то купленный отцом старый театр, и превращает его в звукозаписывающую студию. Но судьба вновь сталкивает Купера с его бывшей возлюбленной, заставляя его окунуться в прошлое и вспомнить амбициозного восемнадцатилетнего паренька, покинувшего отца и родной город. В своем фирменном стиле Чарльз Мартин рассказывает богатую историю жизни, полную падений и взлетов, музыки и любви, горечи и принятия.

ISBN 978-5-00-580198-2

© Мартин Ч., 2016
© ООО "Эвербук", 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Чарльз Мартин

Дороги, которым нет конца

Чарльз Мартин

* * *

*Всем, кто с болью наблюдал за уходом любимого человека, а потом
стоял на крыльце и смотрел на дорогу
И каждому, кто достиг конца этой дороги... но повернул обратно*

Часть 1

Глава 1

Я видел его раньше. Старик, лет семидесяти пяти на вид, может быть, даже восьмидесятилетний. Узловатые пальцы, искривленные от артрита. Голос курильщика, высаживающего по четыре пачки в день. Хлопково-белые волосы, пожелтевшие на концах. Морщинистая кожа цвета черного дерева. Дряхлое тело. Он носил потертые брюки в серо-голубую полоску, некогда бывшие частью шерстяного костюма, и засаленную белую рубашку с пристежным воротничком, застегнутую на все пуговицы. Ансамбль довершали классические двухтонные оксфордские туфли. Белая часть потускнела и потрескалась, но то, что осталось от черного, было отполировано до зеркального блеска.

Он со своей гитарой явно прошагал немало дорог. Это был старый «Гибсон Джей-45», и старик пробренчал сквозные отверстия над резонатором и внизу, поэтому крепежные поперечины частично обнажились. Он даже обмотал изолентой задник и борта гитары. Колки были разного цвета, а струны даже издали выглядели ржавыми. Но когда этот старик расходился, то оживал вместе со своей гитарой. Он притопывал ногами в такт движению ведущей руки, добавляя ударный ритм, предполагавший, что когда-то ему доводилось играть и на барабанах. Улыбка на его лице говорила, что когда-то он был счастливым человеком. Или считал, что был таким.

Я не особенно разборчив во всем, кроме гитар. Шестиструнные инструменты – это моя страсть. Полифонический концерт, в котором каждая величавая струна имеет свой голос. Честно говоря, меня завораживает идея о том, что мы умеем склеивать разнородные кусочки дерева в коробку формы песочных часов, прикреплять гриф, крепежи и струны из фосфористой бронзы, а потом с помощью давления и перебора в нужных местах создавать голос, значение которого несравненно превышает сумму частей, из которых он состоит, а выразительность определяется руками играющего. Глубокие, гортанные, глухие, басовито-низкие, гармонично сбалансированные, акцентированно-высокие голоса... я могу найти аргументы для звучания каждого из них.

Гитара старика утратила свой голос. Подобно ему, она отыграла свое. Он, возможно, забыл уже достаточно много мелодий, но его пальцы помнили все. В том, в ком большинство прохожих видели бродягу-пропойцу, я видел бывшего музыкального гения. Когда-то у этого старика было имя в музыке.

Последние несколько суббот он появлялся на главной улице Лидвилля, усаживался на скамью и играл до тех пор, пока редкие подаяния не покрывали дно гитарного футляра. Тогда он закрывал футляр и исчезал в бутылке примерно до четверга. В пятницу он уже жаждал добавки, практически иссыхал на глазах.

Прямо как сегодня.

Я замедлил ход вместе с уличным движением и подъехал к парку. Сегодня тротуары были заполнены народом, что обещало ему неплохую выручку. Я припарковал автомобиль, засунул свой блокнот куда-то между копчиком и поясным ремнем, отхлебнул из бутылочки пепто-бисмола,¹ добавил две таблетки от боли в желудке, подхватил свою гитару и услышал голос еще до того, как увидел его. Он сидел на скамейке возле популярной бензоколонки для байкеров.

¹ Безрецептурный противоязвенный препарат («розовый висмут»), выпускаемый в форме таблеток или суспензии. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Лидвилль – жаркое местечко для бойцов выходного дня из Вэйла, Аспена, Стимбота, Брекенриджа и даже Форт-Коллинза. Дорогие хромированные мотоциклы без глушителей и почти без пробега служили парадными конями для мужчин среднего возраста, выставлявших напоказ свои разукрашенные, отлично смазанные и ухоженные игрушки. Лидвилль – это старый шахтерский городок, один из самых возвышенных в США, поскольку он расположен на высоте более десяти тысяч футов. Некогда поставлявший большое количество серебра, теперь он превратился лишь в оболочку своего бывшего величия. Количество жителей сильно колебалось в зависимости от времени года. Здесь проводится «Лидвилль-100» – изнурительная однодневная гонка для горных велосипедистов. Здесь готовят «высокогорный пирог» – пожалуй, лучший вид пиццы в Скалистых горах, а «Меланзана» – маленькая частная компания, которая производит лучшие в мире флисовые куртки и свитеры, – держит свой магазин прямо на главной улице. Почти все настоящие уроженцы Колорадо носят «Мелли». Увидите такого – значит, есть все шансы, что вы имеете дело с аборигеном... или с тем, кто собирается стать таковым.

Старик сидел напротив салуна у фонаря на другой стороне улицы, поэтому звуки его музыки проецировались на бар. Умно придумано. Он выбрал хорошее место, но у него оставались две проблемы, первой из которых был запах. Он не мылся и не пользовался дезодорантом уже несколько недель. А возможно и месяцев. Второй проблемой были негармоничные звуки, исходившие как из его рта, так и от его гитары. Люди могли бы дать ему немного денег из жалости, но он не мог рассчитывать на большее.

Мой следующий ход был немного рискованным. С любой точки зрения, это был его личный фонарь, а я был чужим псом, вынюхивавшим, где бы задрать лапу. Фокус заключался в том, чтобы подобраться поближе к нему и создать у него впечатление, словно он парит на ковре-самолете из чьих-то нот. Я хотел, чтобы ему понравилось мое присутствие еще до того, как он узнает, что я нахожусь рядом. На меня работало то обстоятельство, что он сосредоточился на очередной бутылке, поэтому его периферийное зрение было задействовано минимально. Против меня работало то, что он мог ползть в драку, если бы посчитал, что я помешаю ему выпить следующую бутылку.

Я знал песню, которую он играл, так что быстро подобрал тональность, а поскольку он играл (или, скорее, жестко бил по струнам), я начал наигрывать сопроводительные аккорды. Для его слуха это был комплимент, а не досадная помеха. Примерно через минуту он заметил меня, немного напрягся, развернулся ко мне плечом и стал петь и играть еще громче. Звуки, исходившие из его рта, не совпадали по тональности с его гитарными аккордами, и, судя по всему, он вот-вот должен был перестать улыбаться. Он явно заблудился в воспоминаниях о том музыканте, которым был когда-то.

А я придумал вот какую уловку. У меня было четкое ощущение, что раньше он играл с другими музыкантами и понимал, когда кто-то старался сделать его исполнение лучше. Он играл в ми миноре, поэтому я просто сел в сторонке и перебирал струны в ответной ровной гармонии. Он нахмурился, приподнял бровь и взял несколько сильных риффов, которые еще помнили его пальцы, но разум давно позабыл. Я заиграл на каподастре и наполнил воздух ударными переборами, придававшими ритмичность и яркость старым блюзовым риффам в его размытом исполнении.

Раздосадованный, он изменил тональность и начал выкрикивать старинную балладу, которую, наверное, исполнял уже десять тысяч раз. Я отрегулировал каподастр и заиграл мелодичное инструментальное сопровождение, дополняющее его аккорды, не привлекая к себе особого внимания. Это был элегантный танец. Резкое усиление громкости с его стороны говорило о том, что он не слишком хотел быть моим партнером. Особенно если нам придется делить выручку.

Он повернулся на заднице и смерил меня взглядом, когда какой-то парень в черной коже бросил двадцатку в его футляр. Старый пройдоха заметил это, еще раз взглянул на меня и

практически перестал играть, чтобы дотянуться до нее. Но когда я отодвинулся чуть дальше от него (и его футляра), этот намек запечатлелся в его затуманенном сознании, и он продолжил свою песню.

Когда она закончилась, он смотрел на сорок пять долларов в футляре, и я видел паническое выражение в его глазах; он сорвал джек-пот и теперь взвешивал возможность схватить свою удачу и дать отсюда деру.

Убедившись, что я вот-вот потеряю его, я встал и бросил две двадцатки в его футляр.

– Не возражаешь, я если я поиграю рядом?

Он зацепил футляр правой ногой и подтолкнул его между своими ногами, а потом указал на свое правое ухо.

– А?

Я наклонился, задыхаясь от вони.

– Я не причиню беспокойства.

Он посмотрел на меня, на собравшуюся толпу, потом снова на меня. Наконец его взгляд остановился на моей гитаре.

– «Джей-45»? – прокаркал он.

Я кивнул. Он ткнул пальцем, приказывая мне вернуться на прежнее место, за пределами огней его рампы. Я повиновался.

Когда я был ребенком, у меня была коробка с сорока шестью пастельными карандашами и встроенной точилкой в торце. Я так полюбил все эти разные оттенки, что думал, как будет здорово смешать их все и посмотреть на водоворот красок. Это была неудачная идея.

Старик напомнил мне о том эксперименте. То, что когда-то было прекрасным в отдельности, в общей массе утратило свой блеск. Все цвета смешались в сплошную грязно-коричневую массу. Но люди – не карандаши. Если восковые краски смешиваются бесповоротно, то цвет людей является частью их ДНК. Мы больше похожи на витражные стекла в соборе. Где-то на жизненном пути на этого человека упала темная тень, помешавшая его свету воссиять в полную силу.

Можно считать это необъяснимым феноменом, но музыка составляет малую часть волновых частот, которые мы можем видеть. Да, свет и музыка – это части одного спектра. То, что мы отчасти можем слышать его, подразумевает, что ангелы могут одновременно видеть и слышать цвет, и это придает новую глубину таким понятиям, как рассвет, полдень и закат.

Моя задача состояла в том, чтобы пролить свет на старое стекло. И когда я это сделал, витраж собора заиграл синими, алыми и фиолетовыми оттенками.

Старик ожил.

Двадцать минут спустя он посмотрел на меня, потом на место на скамейке рядом с собой. Я принял его приглашение. Одно из таинств музыки заключается в том, что двое людей вместе могут достигнуть того, что одному будет не под силу. При этом возникает экспоненциальный рост². Это единственное действие на земле, способное переместить слушателей из точки А в точку Б за два удара сердца. Оно может изменять настроение, мгновенно перескочив от смеха к слезам и от готовности покорить весь мир к сомнению и надежде. Это настоящая машина времени.

Лица собравшихся вокруг людей говорили о многом. Еще несколько минут назад на старика смотрели как на безликого пьяницу. Теперь они спрашивали себя: «Кто это такой?» Выражение их лиц не ускользнуло от его внимания. Старик встал на тротуаре и стал выдавать мелодии, которых, наверное, не вспоминал уже лет тридцать. В своем воображении он перенесся на сцену, и вскоре его смех смешался со слезами, доказывая, что стекло не утратило своего

² *Экспоненциальный рост* – возрастание величины, когда скорость роста пропорциональна значению самой величины. Подчиняется экспоненциальному закону.

блеска. Оно могло омрачиться тенью, или оказаться по ошибке покрашенным, или потускнеть от времени, но нельзя оторвать музыку от человека, точно так же, как невозможно оторвать его от своей ДНК.

Вскоре две девушки в платьях начали танцевать и кружиться перед нами, а когда старик заиграл «Над радугой», люди, собравшиеся вокруг, подхватили песню. Он наслаждался улыбками и слезами и в изумлении смотрел, как в футляр его гитары падали все новые купюры. Наконец он исполнил вариант композиции «Этот удивительный мир» без музыкального сопровождения, чем вызвал бы улыбку даже у Луи Армстронга.

Через час он исчерпал свой репертуар и совершенно выдохся. Всегда лучше оставлять слушателей в ожидании большего, поэтому я встал и показал, что моя роль сыграна.

Налитые кровью глаза старика с трудом могли сосредоточиться на футляре. Должно быть, там лежало несколько сотен долларов.

– Ты ничего не хочешь? – спросил он.

Толпа хлопала и свистела. Я опустил перед стариком на колени.

– Вы и без того много мне заплатили, – с этими словами я положил на купюры свою гитару в футляр.

Для некоторых людей гитара – это лишь деревяшка со струнами. Для других это дружеское плечо, ревнивая любовница, опасность, ведьмовской шабаш, голос в глуши, рыцарский доспех, занавес, за которым можно спрятаться, скала, на которую можно опереться, ковер-самолет или боевой молот. Но иногда, в такие моменты, когда свет встречается с тьмой, гитара становится зачарованным колом, который мы вбиваем в землю, чтобы темнота отступила.

Когда я стал протискиваться через толпу, мальчик в ковбойской шляпе с пряжкой, почти такой же большой, как шляпа, потянул меня за рукав:

– Мистер?

Я повернулся:

– Привет.

– Можно попросить ваш автограф? – Он протянул листок бумаги и посмотрел на мужчину рядом с собой. – Мой папа говорит, что я должен получить ваш автограф, потому что, хотя сейчас вы выглядите так, словно живете где-то в горах, когда-нибудь вы станете знаменитым.

– Правда? – Я поставил подпись, вернул бумажку и присел рядом с ним. – Ты играешь?

– Да, сэр. – Он немного приосанился. – На банджо.

– Умеешь выполнять глиссандо?

Он кивнул, потом указал на шрамы на моей правой руке:

– Больно?

– Нет, больше не больно.

– Как это случилось?

Я поднял руку и несколько раз сжал и разжал кулак.

– Когда я был молодым и безрассудным, кое-что свалилось на меня.

– Штанга, кирпич или что-нибудь еще?

– Нет, это больше похоже на потолок.

Он указал на мой рот:

– Вы что, всегда шепчете?

– К сожалению.

– Почему?

– Я пострадал на пожаре.

– От огня у людей становится такой голос?

– Вообще-то, огонь был не такой уж сильный, но от высокой температуры появились ядовитые пары, которые сделали со мной вот такое. – Я улыбнулся. – Поэтому у меня вот такой голос. Сердитый.

– Папа говорит, что отлупит меня, если увидит, что я балуюсь со спичками.

Я рассмеялся:

– Наверное, тебе стоит держаться от них подальше.

Когда я начал вставать, он снова потянул меня за рукав:

– Мистер?

– Да?

Он прикоснулся к моей бороде, чтобы пальцы подтвердили его разуму, что я настоящий человек, а не какое-то пугало со шрамами.

– А мне не кажется, что у вас сердитый голос.

Его слова тронули мое сердце, где встретились с приветливыми отзвуками голоса моего отца. Из уст младенцев Ты устроил хвалу ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя³.

Мне понравился этот мальчик.

– Спасибо, приятель.

Немного позже, когда я обернулся и посмотрел назад, старик играл на моей гитаре. Его глаза, как и рот, были широко открыты, а улыбка на лице стоила куда больше кучи денег.

³ Псалом 8, 1:3.

Глава 2

Я ехал на юг, снова и снова вспоминая слова мальчика. Зеркало заднего вида ловило мое отражение, подтверждая правду, которую я уже давно старался похоронить. Грязные светлые волосы до плеч. Более темная борода с проблесками седины. Первое впечатление – *потрепанный*. Другое впечатление – *охотник*. Определение *бездомный* тоже не стало бы натяжкой. С годами я научился скрывать шрамы на груди, спине, шее и правом ухе. Когда я находился «под прикрытием», люди более благосклонно ко мне относились. По правде говоря, я и впрямь выглядел немного пугающе. Мой взгляд упал на правую руку, лежавшую на руле. Я выпрямил пальцы, сжал их в кулак и снова разжал. С этим ничего не поделаешь, разве что придется носить перчатку. Некоторые вещи просто нельзя скрыть.

Топливо в моем джипе был на исходе, поэтому я остановился у бензоколонки на окраине города. Воздух был плотно насыщен фоновыми звуками: чавканьем бензина, закачиваемого в бензобаки, шумом двигателей грузовиков на автостраде и низким шуршанием шипованных покрышек. Мужчина и девушка о чем-то спорили у выхода из минимаркета. Трейлер проехал по канализационному люку сначала передним колесом, потом задним. Бульдозер и экскаватор работали в тандеме на автостоянке позади меня. В нескольких кварталах отсюда выла сирена, потом ей начала вторить другая. Дети где-то за моим плечом играли в баскетбол.

В этом смешении шумов трудно было уследить за каким-то отдельным звуком. Например, за комариным писком над площадкой для барбекю. Но каждые несколько секунд шум уменьшался, и сквозь него пробивалась мелодия. Кто-то пел.

Я посмотрел на дорогу и увидел женщину, стоявшую на грязной обочине. Большой палец поднят в воздух. Слишком далеко, чтобы разглядеть ее черты, но я заметил, что она не молода. Обесцвеченные пергидролем светлые волосы, падавшие на лицо из-под красной лыжной шапочки. Небесно-голубая пуховая куртка. Выцветшие джинсы, заправленные в поношенные ковбойские сапоги. У ног лежит рюкзак и футляр для гитары. Немного худая; судя по всему, ей бы не помешал чизбургер.

Я бы не сказал, что ее голос был особенно сильным. В сущности, он казался усталым. Но, так или иначе, он обладал особенностью, которой лишены многие другие голоса: почти безупречным основным тоном, не говоря же о совершенном владении голосовыми связками.

Пока я наблюдал, перед ней остановился ржавый зеленый «Форд» с длинным кузовом и прикрепленным спереди снегоочистителем. Достаточно распространенное зрелище для позднего сентября в Колорадо. Впереди сидели три человека, еще двое сзади. Я видел, как женщина кивнула, подняла рюкзак и гитару и залезла в кузов, продемонстрировав силу, грациозность и незаурядную уверенность в себе. «Форд» покатился в долину в облаках бензиновых выхлопов.

Заблудившись в обрывках воспоминаний о чем-то знакомом, но неопределенном, и пытаясь удержать в голове последние исчезающие ноты, я внезапно вернулся к реальности: бензин лился из бака на мою обувь. На такой высоте воздух разрежен, и внимание бывает трудно сконцентрировать.

Кроме того, я всегда испытывал слабость к женщинам, которые умеют петь.

Я выехал на дорогу, и передо мной открылся один из наиболее великолепных видов, которые можно наблюдать через ветровое стекло в Колорадо: дороги на запад и юг из Лидвилля к Буэна Виста. Солнце заходило над заснеженными вершинами Ла-Платы, горы Элберт и горы Массиве. Между ними пролегал живописный исторический перевал Индепенденс, ведущий к модным курортам Аспена и Сноумасса, где жизнь отличалась неторопливостью и расслабленностью.

Колорадо похож на девушку, которую я знал когда-то. Он прекрасен при любом освещении. Каждый раз, когда меняется угол падения лучей, появляется что-то новое. Иногда

обнаруживается что-то скрытое от глаз. В конце сентября и начале октября палитра Колорадо начинает меняться. Снег ложится на горные пики. Буйство красок достигает кульминации и начинает тускнеть. Увидеть Колорадо осенью – все равно что заглянуть в тронный зал. Колорадо зимой представляет собой воплощенное величие. Можете считать это признанием в любви.

Когда Бог создавал это место по своему слову, Он явно здесь задержался.

Я въехал в Буэна Висту сорок пять минут спустя и увидел женщину в голубом пуховике, сидевшую на краю тротуара. Голова ее была опущена на руки, ноги – в водосточном желобе. Она привалилась плечом к столбику парковочного счетчика. Ее куртка была порвана и с одного бока запачкана тормозным следом. Перышки выбились из дырки на плече, порхали вокруг и путались в ее волосах. Ее джинсы тоже были порваны на колене. Футляр для гитары исчез, а вокруг нее валялись куски того, что когда-то называлось гитарой. Зеленого «Форда» нигде не было видно.

Я стоял перед красным светофором с работающим двигателем и смотрел на нее. Зажегся зеленый свет, но движение в это время суток практически отсутствовало. Я переждал еще один цикл светофора, наблюдая за тем, как она встает и пытается надеть рюкзак. Ее правая рука была в крови и явно сильно ушиблена, а может, даже сломана. Она откинула с глаз волосы, но лыжная шапочка сбилась набок, и волосы еще больше стали ей мешать. Рядом с ней растеклась лужица крови. Шатаясь, она оперлась на паркометр и попыталась восстановить равновесие.

Я дернул ручной тормоз и выскочил из джипа как раз вовремя, чтобы увидеть, как закатываются ее глаза, а голова клонится вперед. Ее руки разжались, и она рухнула.

Прямо в мои руки.

Я стоял на тротуаре и держал незнакомую раненую женщину. Я подхватил ее рюкзак и подвел ее к джипу, где меня окутал исходивший от нее пьянящий запах. Вот оно. Тот самый аромат, который я чувствовал, когда заливал бензин. Я усадил ее и снял с ее головы шапочку, потому что она закрывала ей рот, а девушка явно нуждалась в свежем воздухе. Лишь тогда я увидел ее лицо.

Я резко выпрямился. Ни за что. Этого не может быть.

Я наклонился в салон и посмотрел на женщину еще раз. Должно быть, меня смутил цвет волос, и она стала старше, – впрочем, как и я. Но аромат остался, и это, без сомнения, был запах «Коко Шанель». Особенно когда она пользовалась этими духами.

– Должно быть, ты шутишь надо мной, – сказал я вслух.

Я проехал три квартала до больницы и остановился на временной парковке, а ее кровь капала на ремень безопасности. Я не думал, что у нее тяжелые травмы, но шишка, вспухшая на ее лбу, кое о чем говорила. Подхватив девушку с пассажирского сиденья, я понес ее ко входу в приемное отделение.

Там дежурила приветливая толстушка, которой нравилась текила и апельсиновые коктейли. Завсегдатаи местных баров могут многое рассказать о питейных привычках разных посетителей.

– Поможешь, Дорис? – осведомился я.

Она увидела, что женщина без сознания, ее кровь капала на белоснежный кафель, и нажала кнопку, автоматически открывавшую двойную дверь справа от меня. Я отнес женщину в кабинет экстренной помощи, а Дорис направилась следом, засыпая меня вопросами:

– Что случилось, Купер?

– Не знаю.

– Как она оказалась у тебя на руках в таком состоянии?

– Увидел ее на светофоре.

Дорис откинула волосы с лица женщины и сквозь зубы втянула воздух.

– Ты ударил ее?

– Нет, я вообще к ней не прикасался.

– Что ты делал на светофоре?

– Дорис, я могу ее куда-нибудь положить?

Она показала место, и я уложил женщину на стол.

– Купер, – Дорис смерила меня взглядом поверх очков для чтения, – ты что-то скрываешь? Тебе нужно позвонить адвокату?

– Дорис, ты смотришь слишком много уголовных сериалов. Почему бы просто не вызвать врача?

Дорис недолюбливала меня, поскольку за эти годы я неоднократно отвергал ее заигрывания, что неизбежно ускоряло ее переход к третьей и четвертой порциям апельсинового коктейля. Она нахмурилась и постучала карандашом по планшету. Ее глаза блуждали по мне с выражением, которое на две трети было желанием, а на одну треть – неодобрением. Она почесала макушку кончиком карандаша.

– Ты, случайно, не знаешь, как ее зовут? Все будет лучше, чем Джейн Доу⁴.

– Вообще-то, знаю.

Она ждала.

– Дорис, познакомься с Делией Кросс.

Дорис подалась вперед, нахмутив брови.

– «Когда я попаду туда, куда иду?» Та самая Делия Кросс?

– Та самая, – кивнул я.

Я осторожно положил голову Делии на подушку и попрощался с Дорис. Я даже вернулся к джипу...

Но двадцать минут спустя врач обнаружил меня сидящим в приемной с чашкой плохого кофе из автомата.

– Купер.

– Привет, Билл. – Я пожал его руку.

– Дорис сказала, что ты знаешь пациентку.

– Когда-то мы были знакомы. Давным-давно.

– Ну, она здорово ударилась головой. Легкое сотрясение. Голова поболит еще день-другой. Сильная контузия правой руки, которую кто-то зажемял дверью автомобиля. Вряд ли перелом, скорее всего трещина, но довольно тонкая, даже на рентгене можно не разглядеть. Так или иначе, в ближайшие несколько дней она будет чувствовать себя неважно. – Он немного помедлил. – Какое ты имеешь отношение к этому?

– Я остановился у светофора. Она рухнула на мостовую. Теперь она здесь.

– Ты видел, что произошло?

– Нет. Я видел, как она голосовала на обочине в Лидвилле и села в автомобиль, но тогда я не узнал ее. Или автомобиль.

Он посмотрел в окно.

– Какого цвета он был?

– Бледно-зеленый, с желтым снегоочистителем. «Форд» с длинным кузовом. Ржавые колесные дуги.

Он указал на дальний угол автостоянки:

– Примерно такой?

Я посмотрел:

– Тот самый.

– Я только что наложил пятнадцать швов на скальп длинноволосому парню в комбинезоне. Он сказал, что упал.

⁴ В США для обозначения неопознанного женского тела используют имя Джейн Доу.

– У нее была гитара, – заметил я.

Врач уперся взглядом в длинный коридор, потом повернулся ко мне:

– Я позабочусь о ней.

– Она останется здесь на ночь?

– Сейчас я не могу отослать ее домой. Она спит. Будем наблюдать за ней; возможно, отпустим завтра утром.

Я повернулся к двойной двери и показал мобильный телефон:

– Сообщи, если что-то изменится.

Он глянул через плечо:

– Ты действительно знаешь Делию Кросс?

Я покачал головой:

– Это было двадцать лет назад, в другой жизни.

– Ничего себе. Как там назывался ее главный хит? – Он порылся в памяти. – «Долгий путь домой»?

Я не стал исправлять его.

– Что-то вроде того.

– Ну и дела. Чудо одного хита из Буэна Висты. Я всегда гадал, что происходит с такими людьми.

– Вообще-то, у нее было четыре чудесных хита.

– Судя по тому, как обстоят дела, удача от нее отвернулась. – Врач неуверенно покачал головой, прежде чем продолжить: – Судя по грязи, она провела последние несколько дней где-то на обочине. Кроме того, она сильно обезвожена, поэтому я поставил ей капельницу. Пусть полежит до утра.

– Спасибо. У тебя есть мой телефон.

Я вышел на стоянку, сел в джип, включил зажигание и постарался не смотреть в зеркало заднего вида.

Это было непросто.

Глава 3

Кофейня – главное место утренних встреч в Буэна Висте, эпицентр городской деятельности почти что до полудня. Оттуда народ лениво переходит через улицу в «Трейлхэд», – здешний хозяйственный магазин с кафе, где подают фермерский ланч, – а уж там люди меняют кофе на местное светлое пиво. Здесь же многие из «временно незанятых», то есть безработных, проводят целые дни, сидя за столиками с видом на улицу, глядя в свои телефоны и пытаясь изобразить, будто они занимаются чем-то важным. По большей части они раскладывают пасьянс «косынка».

Обеденные варианты включают и «Эддилайн» – титулованную мини-пивоварню, где готовят приличную пиццу. В «Азиан Пэлэс» подают удивительно хорошую темпуру и суши, что выглядит несколько странно, учитывая расстояние до побережья. В стратегически верно расположенном продуктовом фургоне продают посредственные кукурузные лепешки с рыбой, а за соседней дверью человеческая страсть к самогонке может получить вполне достойное удовлетворение на винокурне «Дирхаммер». Местный любимый напиток называется «Черный бизон». Судя по всему, несколько лет назад в город приехал какой-то литератор, который внес тонкие изменения в рецепт «Буфало негро»⁵, и в наши дни «Черный бизон» стал визитной карточкой Буэна Висты. Он появился в меню Стимбота, Вэйла и Аспена, и люди приезжают сюда даже из Флориды, чтобы попробовать его.

Подобно большинству населенных пунктов в верхнем Колорадо, Буэна Виста зародилась как поселок самогонщиков с шахтерским довеском, и с тех пор мало что изменилось.

В семь утра, когда открылась кофейня, я был первым в очереди. Я заказал два тройных кофе с «Хони бэдджером»⁶ и медленно поехал к больнице, пытаясь отговорить себя от визита в это заведение. Когда я остановился и выключил двигатель, то все еще продолжал спорить с собой. Наконец я приказал себе заткнуться и вошел внутрь. Там я поднялся на лифте на четвертый этаж, и медсестра показала мне, как пройти в палату 410.

Когда я вошел в комнату, свет был выключен, но в окно струился мягкий солнечный свет. Делия сидела и смотрела в окно; ее правая рука была плотно забинтована и лежала на коленях. Два пальца заметно опухли. Шишка на голове исчезла, но багровый след остался. Когда она повернулась и увидела меня, у нее буквально отвисла челюсть. Она закрыла рот, ее глаза заблестели от слез.

– Кууп... – выдавила она надтреснутым голосом. – Ох, боже мой...

Она подтянула колени к груди, словно привыкла обнимать себя. Я подошел к краю кровати, поставил кофейные кружки на столик и сел, сложив руки на коленях, так что наши глаза оказались на одном уровне.

Несколько минут она просто сидела, качая головой. В ее глазах стояли слезы. Ее глаза всегда были круглыми, как у негритянки, и большими, как мячики для гольфа. Большие глаза – большие слезы. И одна из них вырвалась на волю и побежала по ее щеке.

Она положила руку на одеяло ладонью вверх. Своего рода приглашение.

– Как поживаешь?

Я протянул руки над кроватью и взял ее ладонь. Она изучила шрамы на моей правой руке и провела по самому длинному кончику указательного пальца. Вторая слеза покатилась следом за первой.

⁵ «Буфало негро» – коктейль из равных долей бурбона и имбирного эля с сахарным сиропом, бальзамическим уксусом и листьями базилика.

⁶ «Хони бэдджер» («Медоед») – коктейль из равных долей бурбона и желтого шартреза с имбирным сиропом и веточкой розмарина.

– Нэшвилл?

– Да, – тихо ответил я.

– Она в порядке?

Я пожал плечами и попытался улыбнуться. Потом сжал и разжал кулак.

– Работу делать может. Напоминает мне, когда приближается гроза.

– А ты... ты еще?... – неуверенно спросила она.

Я кивнул:

– Иногда. Когда могу.

Она потянулась и едва не прикоснулась кончиками пальцев к моему горлу, но потом передумала.

– У тебя совсем другой голос. Как у крестного отца.

Я кашлянул.

– Это бывает полезно, когда мне звонят люди и пытаются что-нибудь продать.

Она тихо рассмеялась, и груз, давивший на ее плечи, подкатился к краю и заколебался. Либо он упадет наружу и освободит ее, либо упадет внутрь и сокрушит то, что от нее осталось. Она растерянно огляделась по сторонам.

– Ты знаешь, как я сюда попала?

– Я остановился у светофора и увидел, как ты ухватила за парковочный счетчик. Потом ты упала, и я подхватил тебя. Я не знал, что это ты, пока не отнес тебя в джип и не приехал сюда.

Она с трудом пыталась сложить кусочки головоломки.

– Ты здесь живешь?

– Ну да. – Я отхлебнул кофе.

Она выглядела смущенной.

– Ты подобрал мою гитару?

– Там остались лишь куски да щепки на тротуаре. Но я забрал твой рюкзак.

Она осознала утрату. Я предложил ей кофе.

– Это из нашей местной кофейни. Туда добавляют бальзам под названием «Хони бэд-жер», который, если смешать его с тройным кофе, позволяет человеку начать день так, как предписывал Господь.

Она отпила и кивнула, но, хотя кофе и начал рассеивать медикаментозную дымку, он ничего не мог поделать с гориллой, сидевшей у нее на плечах. Мы сидели молча. Я передал ей бумажную салфетку и указал на ее губу:

– У тебя там пена...

Она вытерла рот, промокнула глаза и попробовала усмехнуться:

– Я оставила ее на потом.

– Куда ты направлялась? – спросил я, чтобы прервать неловкое молчание.

– В Билокси. Мне предложили площадку в казино... и комнату. Я могу и столики обслуживать... – Она неуклюже повела плечами; дальше можно было не продолжать.

– У тебя есть вторая гитара?

Она покачала головой.

– Как ты туда доберешься?

Она улыбнулась и подняла в воздух большой палец.

– У тебя есть место, чтобы остановиться на какое-то время?

– Я не собиралась останавливаться. – Она указала на свой рюкзак. – У меня есть карта хостелов. Иногда по вечерам я могу играть в баре или... откладывать немного денег, чтобы доехать до следующего города. Только до тех пор, пока я не доберусь до Миссисипи.

В палату вошел доктор Билл.

– Как вы себя чувствуете этим утром? – Он достал стетоскоп из кармана белого халата и стал слушать ее сердце. Она посмотрела на него, прищурив один глаз.

– Было бы лучше, если бы мир перестал кружиться перед глазами.

– У вас здоровенная шишка на голове. – Он посветил ей в зрачки и подержал запястье, считая пульс, потом осмотрел ее руку.

– Здесь больно?

– Болезненно.

– Примите что-нибудь от боли. Приложите лед. Вам нужно несколько дней покоя. Ничего страшного, но лучше поберечься. У вас есть вопросы?

– Я могу уйти?

Он повесил стетоскоп на шею и посмотрел на пустой пакет с жидкостью для вливаний на капельнице над кроватью.

– Дайте мне несколько минут на подготовку ваших бумаг, и вы можете быть свободны. Но никаких поездок в ближайшие несколько дней. Никаких волнений. Никакого яркого света. Никаких компьютеров и набора текстов. Отдых – ваш друг.

– Ты голодная? – спросил я, когда он вышел.

Ее плечи немного расправились, и груз упал. Наружу.

– Я могла бы перекусить.

Когда медсестра убрала капельницу и помогла Делии одеться, мы вышли в вестибюль и направились к выходу, где солнце сразу же прожгло дыру в моей сетчатке. Я протянул Делии темные очки:

– Возьми, это поможет.

Она надела очки. Когда створки дверей раздвинулись в стороны, мы сразу увидели громилу со стежками на голове. Он запыхтел и громко прорычал:

– Вот эта су...

Если мне показалось, что ей грозят неприятности, то меня ожидал сюрприз. Он едва приоткрыл рот, когда Делия врезала ему сапогом в пах. Вероятно, этот мужик весил около трехсот фунтов, но ее удар сбил его с ног, и он рухнул на колени, где тут же начал блевать. Пока он корчился, извергая на пол свой завтрак, она вылила ему на голову остатки кофе из пластиковой кружки.

– Это за мой «Хаммингберд»⁷, ты, жирный, грязный, вонючий, гнилозубый ублюдок.

Ее немного пошатывало, так что я подхватил ее под руку, и мы вышли на автостоянку. Я попытался улыбнуться.

– Кажется, доктор велел не волноваться.

– Я совершенно не волнуюсь.

Я помог ей залезть в джип.

– Тогда мне бы не хотелось увидеть тебя взбудораженной.

⁷ Очевидно, речь идет о рюкзаке этой фирмы.

Глава 4

Мы устроились в кабинке кофейни, где Делия пила вторую порцию кофе с «Хони бэд-жером» и понемногу откусывала от запеканки.

– Ты прав, это действительно здорово.

– А ты бог знает на что потратила половину первой порции.

– Извини. – Она изучила меню, висевшее над нами. – Если бы я знала, сколько это стоит...

– Никаких проблем. – Круги под глазами говорили о том, что она уже давно не спала нормально. – Что произошло?

– Ну, он стоял там на коленях, и я подумала...

– Нет, вчера вечером. В зеленом «Форде».

Она смягчилась.

– Просто парочка скотов, которые вели себя как скоты.

– Откуда ты ехала?

– Вчера вечером выступала в одном салуне в Лидвилле. Вообще-то, начала еще днем. Исполняла популярные кавер-версии для байкеров. Но потом... – ее лицо помрачнело, – потом меня подставили два парня на улице. Из-за них бар опустел. Один из них был и впрямь хорош, так что я осталась наедине с барменом, вся публика ушла слушать их. Поэтому я собрала вещи и стала голосовать на обочине.

Я не стал рассказывать ей о своей роли в этом событии.

– А при чем тут твоя гитара?

– Этим скотам нужно было больше, чем поговорить. – Она откинулась на стуле и пожала плечами. – Решили, что они могут отобрать ее. – Она резко сменила тему: – Так ты жил здесь все это время?

– Первые несколько лет я путешествовал, но в конце концов вернулся. Это дом.

Она размазывала запеканку по своей тарелке.

– Купер...

Я поднял руку.

– Не надо. Прошло много времени, и много воды утекло под тем мостом. Скажи, что ты предполагаешь предпринять в ближайшее время?

Ее верхняя губа снова покрылась пузырчатой молочной пенкой. Она подняла кружку, задумчиво глядя на ее содержимое.

– Я думала о том, чтобы переехать сюда и устроиться на работу. Мне могут платить за такие вещи. – Она со смехом протянула руку и показала квадрат медицинского пластыря, закрывавшего прокол от капельницы. – Пусть капают в ту же вену. – Ее смех был непринужденным и глубоким, как и ее голос. – Как там называется этот городок? Дольче Вита? Вита Лока?

Я рассмеялся:

– Буэна Виста.

– Почти угадала.

– У тебя есть где остановиться?

Она покачала головой.

– Если тебе нужно место, у меня есть городская квартира.

– У тебя есть дом где-то еще?

– Я провожу время поровну между своим домом в горах, там, за облаками, – я указал на запад, по направлению к соляным утесам и перевалу, который вел за Сент-Эльмо, – и моей здешней квартирой. Место, где я остаюсь ночевать, часто зависит от погоды.

– Расскажи мне об этом. – Она оперлась головой на руку. – Поспать было бы хорошо... если не возражаешь.

Поездка на запад по главной улице вела мимо «Лэриэт бар энд гриль». Это настоящее средоточие города, укорененное в легендах о настоящих ковбоях, которые напивались здесь и разносили все в пух и прах. По преданию, как минимум одна памятная перестрелка выплеснулась на улицу. Местные жители ежегодно воссоздают эту сцену. Некоторые утверждают, что на деревянном полу до сих пор можно видеть пятна крови; другие говорят, что темное пятно осталось от масла с тех времен, когда в помещении находился гараж местной пожарной команды. Как бы то ни было, пятна являются частью романтического ореола этого самого популярного питейного заведения в городе. И, судя по количеству посетителей, город постоянно мучается от жажды. В баре пахнет несвежим пивом, отсыревшими сигаретами и жирной картошкой фри. Официантки, которые когда-то были красотками на родео и королевами встреч выпускников, согретыми форменными куртками своих ухажеров, разносят холодное разливное пиво и стараются угодить посетителям, если те не скупятся на чаевые. Но люди с разумным вкусом скажут вам, что употребление слова «гриль» в любой связи с «Лэриэтом» будет слишком большой вольностью. Там жарят еду на противнях и подают ее, но это практически все, что достойно упоминания. Единственное, что здесь действительно хорошо, – это живая музыка.

Делия прочитала вывеску и спросила:

– Это место, также известное как «Канат»?

– Ты слышала о нем?

Она смотрела в окно джипа, заблудившись в туманных воспоминаниях прошедших лет, и грызла ноготь.

– Управляющий позволяет играть за чаевые... – Она на мгновение замерла, потом вдруг выпрямилась и посмотрела на запястье, где предполагалось носить несуществующие часы. – Вот черт! Какой сегодня день?

– Суббота.

Она закрыла лицо левой ладонью, зажмурилась и тяжело вздохнула. Я подъехал к тротуару и остановился на ручном тормозе. Двигатель продолжал урчать на холостых оборотах. Я ждал.

– Я играю здесь сегодня вечером, – через минуту сказала она. – Или должна была играть. Но... – Она убрала руку от лица и продолжала, не глядя на меня: – Мне бы действительно не помешали эти сто долларов.

– Фрэнк договорился с тобой на сотню?

– Ты его знаешь?

Я немного подумал, прежде чем ответить:

– Мы знакомы.

Мы стояли на обочине рядом с железнодорожными путями. Я посмотрел в зеркало заднего вида и спросил:

– Как у тебя с голосом?

– Не так хорошо, как раньше, – пожав плечами, ответила она.

– Нет, я имею в виду, после вчерашнего.

– Я могу петь.

Я развернул джип, проехал три квартала на восток по направлению к реке и горе Спящего Индейца и остановился возле театра «Птармиган».

– Подождешь здесь несколько минут?

Она кивнула. Когда я вышел на тротуар, она окликнула меня:

– Купер?

– Да?

– Если ты не... Я хочу сказать... Не знаю, есть ли у меня силы сидеть здесь и... – Она едва заметно покачала головой.

Иногда не слова человека, а молчание говорит о том, как сильно изранена его душа. Кто-то или что-то причинило ей боль. Много боли. Я бросил ключи на сиденье.

– Если я не вернусь, можешь воспользоваться джипом.

Она выпрямила ноги, откинула голову, и морщинка на переносице исчезла.

Моя квартира находится в мансарде «Птармигана». Я пользуюсь ею зимой, когда снег и лед выгоняют меня с горы.

Я быстро вошел внутрь и взял старую гитару «Мартин D-35», которая стала моей любимцей. Ее звали Элла, и она родилась в Пенсильвании от немецких и бразильских родителей где-то в 1970-е годы. Мы с ней познакомились пятнадцать лет назад в ломбарде в Таосе, и химия нашей любви была быстрой и электрической, но на акустической стороне восприятия. Она гортанная, нежная, будет лаять, если вы начнете рвать струны, но поднимет вас над сиденьем, если вы отпустите поводья и позволите ей говорить собственным голосом. Эта гитара напоминала мне мисс Эллу⁸ и ее богатый, чистый, многослойный, вибрирующий голос. Каждый раз, когда она открывала рот, вам стоило прислушаться, потому что ее слова вскоре находили путь к вашему сердцу, где снимали все внешние оболочки, либо просто пронзая его насквозь, либо исцеляя вас.

Вернувшись, я обнаружил Делию за столиком для пикников под зонтиком, который трепетал на ветру. Я раскрыл футляр, положил Эллу на колени и стал ее настраивать.

Делия с интересом наблюдала за мной.

– Знаешь, теперь у них есть маленькие электронные штучки, которые здорово работают, – заметила она.

Я улыбнулся, не поднимая головы.

– И не говори.

Когда я закончил, то исполнил несколько аккордов, а потом положил ладонь на струны, чтобы заглушить звук, и резко повернулся к ней:

– Спой что-нибудь.

Она медленно заговорила, приподняв бровь:

– Просто. Спеть. Что-нибудь?

– Все, что захочешь.

Без предупреждения и каких-либо предварительных извинений она открыла рот и запела страстную, бархатистую мелодию песни Дасти Спрингфилд⁹ о Билли Рэе, сыне проповедника. Я едва не растаял на скамейке.

У меня всегда была слабость к этой песенке про сына проповедника. Она знала об этом. Я знал, что она знает об этом. И она знала, что я знаю, что она знает. Что делало ситуацию еще более забавной.

За две секунды я помолодел на двадцать лет. Тон был таким чистым, а модуляция настолько безупречной, что я почти не прикасался к струнам, опасаясь смазать этот прекрасный звук. Слова слетали с ее языка в ритме и гармонии, усиленной чувством томления в голосе. Несмотря на силу, в них заключалась обезоруживающая уязвимость. Когда мы разговаривали, Делия скрывалась за зубчатой стеной, высокой, как в Иерихоне. Она была непроницаемой. Но когда она открыла рот и спела первую ноту, ворота распахнулись настежь. Это лишний раз доказывало, что музыка существует в ней на уровне ДНК. Музыка была такой же ее частью, как

⁸ Имеется в виду Элла Фицджеральд.

⁹ *Дасти Спрингфилд* (настоящее имя Мэри Изобел Кэтрин Бернадетт О'Брайен, 1939–1999) – британская певица, достигшая наибольшей популярности в 1960-е, а затем в 1980-е годы, когда она выступала с группой Pet Shop Boys.

и небесно-голубые глаза. Музыка была единственным незамутненным окном, через которое она смотрела на мир и понимала его.

Она сделала паузу в конце очередного куплета и улыбнулась:

– Ты собираешься играть или будешь сидеть с видом идиота, узревшего чудо?

Когда она пела про то, что Билли Рэй был единственным, кто дотянулся до ее души, то посмотрела на меня. Оставалось лишь гадать, то ли она просто исполняла песню, то ли имела в виду нас.

Глава 5

Описание музыки – каверзная штука. Я не уверен, что ее можно описать так же, скажем, как роман или картину. Хотя картина или роман пробуждают чувства, они делают это посредством наших глаз. Образы, которые мы видим, или слова на странице попадают в мозг через зрительные каналы и обрабатываются интеллектом, различающим оттенки смысла, а затем наступает эмоциональная реакция. Первая часть этого процесса заключается в осмыслении и понимании, а вторая часть – в чувствах и эмоциях.

Судя по моему опыту, музыка действует иначе. Музыка попадает в наш разум через уши, откуда кратчайшим путем перебирается к энергетической системе наших эмоций. Потом она достигает интеллекта, где мы можем найти в ней «какой-то смысл». Музыку сначала чувствуют, а обрабатывают или понимают на другом уровне. Это не значит, что нельзя пользоваться интеллектом для ее описания... но я сомневаюсь, могут ли наши слова адекватно описать ее. Это все равно что описывать запах числа 9.

Музыка предназначена для восприятия, а не для описания.

Музыка имеет собственный язык, понимаемый и разделяемый музыкантами. Это такой же настоящий язык, как греческий или латынь, и такой же сложный, если вы не знакомы с ним. Ключом к расшифровке музыкального языка служит последовательность «до-ре-ми». Да, это просто, прямо как Роджерс и Хаммерстайн¹⁰.

Для вас, немзыкальных людей, эта последовательность называется «музыкальной гаммой».

Гаммы – это строительные кирпичики. Это изначальный строй музыки. Они так же реальны, как гравитация, и зашифрованы в нашей ДНК. Они похожи на предварительно загруженные топографические карты. Доказательством этого служит наша способность угадывать музыкальное развитие мелодии, когда мы впервые слышим ее. Для певца или музыканта вызов состоит в том, чтобы пальцы, руки и голос производили соответствующие звуки. Отсюда следует пункт номер два. Для настоящего исполнения музыки или владения языком требуется одно необходимое условие.

Практика.

Люди могут обманом пробираться вверх в разных областях жизни. Они могут красть, давать взятки, уничтожать конкурентов или принимать стероиды, чтобы стать сильнее или быстрее. Но в музыке нет кратчайших путей, и точка.

Сфальшивьте, и вас закидают тухлыми помидорами. Слушатели могут за милю почувствовать обман, поэтому исполнение на сцене или пение на тротуаре может быть довольно дерзким предложением. Поэтому тех, кто поет под фонограмму, лишают наград, а потом четвертуют на городских воротах. Несмотря на эпоху всеобщей терпимости, мы не терпим мошенничества на сцене. Мы ценим музыку, ценим исполнение и ожидаем того же самого от тех, кто поет или играет.

У меня всегда был превосходный слух. Я один из тех людей, которые обладают врожденной музыкальностью. Мой отец говорил, что я начал петь раньше, чем говорить. Поэтому, когда Делия открыла рот, мой вопрос был очень простым. Это был не вопрос «что это за песня?», а вопрос «в какой тональности ты поешь?»

Моя задача заключалась не в соперничестве, не в том, чтобы показать ей свое мастерство, не в том, чтобы доказать ей, как я хорош или был хорош. Мне нужно было соорудить

¹⁰ Композитор Ричард Роджерс и поэт-песенник Оскар Хаммерстайн – знаменитый тандем Бродвейского музыкального театра 1940–1950 годов, оказавший большое влияние на развитие жанра мюзикла.

полку. Помост. Строительные леса. Воздушную структуру, на которую она могла бы надежно опереться.

Делия улыбалась. Оставив Дасту Спрингфилд позади, она начала хлопать по правому бедру обеими руками, создавая «каторжный» ритм, и завела песню Джонни Кэша¹¹ под названием «Бог сразит тебя». Ниже. Глубже. Гравий, смешанный с содовой водой.

Я улыбнулся и перешел в новую тональность одновременно с ней. Каждый раз, когда вы начинаете петь песню Джонни Кэша, то вступаете на священную землю. Я не забывал и о том, что Человек в черном¹² чаще всего играл на гитаре «Мартин D-35».

Она развлекалась, как ребенок на площадке для игр. Очевидно, подумав о каком-то другом месте, куда ей хотелось отправиться, она вздернула подбородок и отступила в сторону от мелодической линии. Я пощипывал струны и прислушивался, желая понять, куда она клонит. Начиналась весьма интересная игра в музыкальные кошки-мышки.

Ее голос смягчился: меньше гравия, больше золота. Это была моя вторая любимая песня Элвиса, «В гетто». Любой, кто берется за исполнение Элвиса, должен иметь определенную наглость. Но не такую запредельную, как тот, кто подступает к Майклу Джексону. Я едва успел поравняться с ней, когда она снова пересекла стратосферу и сбросила окалину. На этот раз не осталось никаких посторонних примесей. Простые смертные не поют «Я буду там»: это все равно, что выйти на ринг против Годзиллы. И глазом не успеешь моргнуть, как тебя подадут на ланч.

Судя по всему, никто не потрудился сообщить об этом Делии. Со всей тщательностью и сосредоточенностью человека, обхаживающего свои ногти наждачной пилкой, она открывала рот, и, – Господи, помилуй, – мне показалось, что король поп-музыки собственной персоной вскочил на капот джипа. Как только она закончила припев, то перенеслась в прошлое, возможно, в 1930-е годы, и выдала «Чикаго, мой милый дом» Роберта Джонсона¹³. К тому времени, когда я подхватил, она устала от этой песни и перепрыгнула на встречный поезд к Хэнку Уильямсу¹⁴ с песней «Я так одинок, что хочется плакать». И пока звучал ее одинокий голос, я усомнился в том, могла ли ночная песнь козодоя звучать с такой же тревожной чистотой.

Люди, проходившие по тротуару, останавливались послушать, пока мы путешествовали от «Полуночной реки» братьев Оллмэнов¹⁵ до южного гимна «Линэрд Скинэрд»¹⁶ и «Нет, женщина, не плачь» Боба Марли. К тому времени, когда она завела «Нет такой высокой горы» Марвина Гэя¹⁷, уже собралась приличная толпа. Какая разница? Если я думал, что ее радует, что она поет для меня, присутствие слушателей лишь придало ее исполнению новую глубину. После «Высоко в Скалистых горах» Джона Денвера¹⁸ и «С мыслями о Джорджии» Рэя Чарльза она победно финишировала с «Удачливым сыном» от CCR¹⁹.

Сказать, что она сохранила свой вокальный диапазон, было бы преуменьшением библейских пропорций. Мелодичность и разнообразие потрясали воображение. Единственное, что казалось еще более волшебным, – это ее способность непринужденно сливаться с каждой ком-

¹¹ Джонни Кэш (1932–2003) – американский певец и музыкант, одна из ключевых фигур стиля кантри. Получил три премии «Золотой глобус» и один «Оскар»; продано более 50 млн пластинок.

¹² Прозвище Джонни Кэша и название одной из его песен.

¹³ Роберт Лерой Джонсон (1911–1938) – американский певец, гитарист, один из самых известных блюзменов XX века.

¹⁴ Хэнк Кинг Уильямс (1923–1953) – американский певец, которого называли «отцом музыки кантри».

¹⁵ The Allman Brothers – американская рок-группа, созданная в 1969 году братьями Дуэйном и Греггом Оллмэнами. В меняющемся составе просуществовала до 2015 года.

¹⁶ Имеется в виду песня «Sweet Home Alabama» культовой группы Lynyrd Skynyrd. Интересно, что другая их знаменитая песня «Free Bird» была написана в память о Дуэйне Оллмэне из The Allman Brothers.

¹⁷ Марвин Гэй (1939–1984) – американский певец, музыкант и продюсер, вместе со Стиви Уандером стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.

¹⁸ Джон Денвер (1943–1997) – считается самым коммерчески успешным исполнителем в истории фолк-музыки.

¹⁹ CCR (Creedence Clearwater Revival) – культовая рок-группа, существовавшая с 1968 по 1972 год.

позицией и делать ее своей. Вы понимаете это в обществе необыкновенно одаренного человека, когда кавер-версия, которую он исполняет, может сравниться с оригиналом. Когда она закончила, то просто закрыла рот и положила здоровую руку на бандаж. Она даже не запыхалась, а ведь Буэна Виста расположена на высоте восьми тысяч футов.

В течение двадцати минут игры «Исполни эту мелодию» моя задача заключалась в том, чтобы выглядеть хорошо, но не слишком хорошо. Я хотел, чтобы она думала, что я смогу подыгрывать ей в баре. Не более того. Я держался на заднем плане, не привлекая к себе внимания. И ни разу не выступил в роли ведущего.

Она минуту помедлила, постукивая указательным пальцем по верхней губе и прищурив один глаз. Я знал, что она подбирает следующую песню, и подумал: «Это будет хорошо».

На ее лице появилась озорная улыбка, когда она села, скрестила руки и начала «Я распадаюсь на части» Пэтси Клайн²⁰ с такой же легкостью, как ребенок, поющий «Я копаюсь в грязи».

В этот момент мужчина в ковбойской шляпе подошел поближе и опустил двадцать долларов в футляр моей гитары. Делия встала и обняла его, – в ответ он добавил к деньгам свою шляпу, – и при этом не пропустила ни одной ноты или интонации.

Пока она стояла, привлекая внимание большинства людей на главной улице, я думал о двух вещах. Ее голос, хотя и не такой, как раньше, по-прежнему был очень хорош, а вокальные возможности и кураж стали даже еще лучше. Но проблема, над которой я ломал голову, не имела никакого отношения к ее таланту, зато имела прямое отношение к ее выбору песен. Все песни, которые она спела, стали знаменитыми благодаря уже умершим исполнителям. Среди них не осталось ни одного живого артиста. А еще бросалось в глаза, что она не исполнила ни одной собственной песни.

Ни одной.

Пока я об этом размышлял, она повернулась ко мне:

– Есть какое-нибудь место, куда я могу пойти, и чтобы ты не последовал за мной?

– Наверное. Но нам потребуется много времени, чтобы найти его.

Она посмотрела на мою руку, потом на меня.

– Когда ты снова начал играть?

– Через несколько лет после возвращения.

– Но я думала, что твоя рука...

– Так и было.

– Что ты сделал?

– Девять или десять тысяч повторений пяти или шести разных упражнений.

– Сейчас ты играешь лучше, чем тогда. – Теперь она повернулась спиной к улице; народ решил, что шоу закончилось, и стал расходиться.

– Не знаю. – Я внимательно посмотрел на свою руку, выпрямил пальцы, потом сжал кулак. – Тогда мне казалось, что я играю замечательно.

Она коротко кивнула:

– Так и было.

– Кстати, о гитарах, – сказал я. – Что случилось с тем «Макферсоном»?

Ее подбородок опустился, глаза забегали. На смену уверенному трубадуру моментально пришел недотрога или, хуже того, неудачница. Она коротко пожала плечами:

– Нужны были деньги за аренду.

– Жаль. Мне нравилось, как она звучит.

²⁰ Пэтси Клайн (1932–1963) – американская певица, одна из величайших вокалисток в истории музыки кантри.

Мы тыкали шупами по краям давно сложившейся истории. Если бы этот разговор зашел глубже, то мы бы содрали коросту, нараставшую в течение двадцати лет, и я был совершенно уверен, что мое сердце этого не выдержит.

Она сменила тему.

– Знаешь, твои длинные волосы, корявая рука и механический голос на самом деле маскируют тот факт, что ты так же хорош, как раньше. В этом городе ничего не знают, верно?

– Время от времени я где-то играю.

Она посмотрела в направлении «Лэриэта», расположенного в нескольких кварталах от нас, потом снова взглянула на меня. Вид у нее был немного смущенный.

– Пятьдесят на пятьдесят, ладно? Но этот, как-его-там, берет себе десять процентов.

– Бери себе. – Ее предложение говорило о том, что Фрэнк рассчитывает на большее. – И дай мне подумать, что я могу предпринять насчет денег.

Ее следующий вопрос застал меня врасплох:

– Ты когда-нибудь был женат?

– Что? – я посмотрел на солнце.

Она ошетибилась, как в тот раз, когда увидела мистера Громилу в больнице. Защитный механизм, выработанный в силу необходимости. Она надавила еще раз.

– Ты когда-нибудь был женат?

– А что?

– Потому что мне нужно знать, что в следующую минуту я не увижу, как миссис О'Коннор целится мне в лицо, поскольку считает меня старой пассивой, раздувающей новое пламя.

Справедливый вопрос.

– У тебя есть опыт такого рода?

– Кое-что имеется.

– Нет.

– «Нет», то есть «нет никакой миссис О'Коннор», или «нет, она так не подумает»?

– Не женат и никогда не был женат.

Ее голос поник, голова опустилась.

– Хорошо. – Она разглядывала свои руки. – Не то хорошо, что ты никогда не женился. Я имела в виду, это хорошо, потому что сегодня я слишком устала для драки.

Эмоциональная поза Делии очень подходила женщине с закатанными рукавами. Не имея покровителя или защитника, она была вынуждена сражаться за себя, и то, что когда-то было мягким и нежным, обросло толстой шкурой, готовой всякий раз ошетиниться. Сидя на этой скамье, она исполняла роль Клепальщицы Розы²¹, примирившейся с тем фактом, что Джо никогда не вернется домой.

Двадцать лет назад, когда я смотрел в потолок больничной палаты и мысленно перебирал свои возможности, эта не пришла мне в голову. Мне она не понравилась.

Я взглянул на часы.

– У нас есть еще несколько часов, прежде чем понадобится быть в «Лэриэте», а я должен заехать в еще одно место. Не возражаешь, если я подброшу тебя...

– Я могу поехать с тобой?

– Это не самое воодушевляющее место.

– От меня не будет хлопот.

– Запах может быть немного... ошеломительным.

Она хихикнула:

– Видел бы ты некоторые места, где мне приходилось выступать.

²¹ *Клепальщица Розы* – собирательный образ американских женщин, трудившихся на заводах и фабриках в годы Второй мировой войны.

– Это может потребовать некоторого участия.

– Я в игре.

Я улыбнулся:

– Это будет здорово. Ей понравится.

– Ей?

– Моей подруге.

Делия оцепенела.

– Кажется, ты говорил, что у тебя нет ни с кем отношений.

– Нет. – Я с улыбкой поднял палец. – Я сказал, что никогда не женился, но не говорил, что у меня нет подруги.

Новая порция колючек. Ее спина стала прямой, как палка.

– Она поладит со мной?

– Думаю, ты можешь на это рассчитывать, – ответил я, забираясь в джип, пока она продолжала стоять рядом.

– Почему ты так уверен?

– Просто догадка.

Глава 6

Центр «Ривервью» – жилое учреждение на сорок коек, расположенное на пяти акрах земли напротив гранитного выступа горы Спящего Индейца. Живописные клумбы и ровно подстриженные газоны одновременно поддерживаются в порядке и вытаптываются огромным стадом оленей, которые едят цветы и траву. Это место граничит с рекой Арканзас, постоянное журчание которой дарит безмятежность и покой.

Я пересек короткий мост через Арканзас, проехал по парадной аллее с рядами огромных тополей и остановил машину. Уже перевалило за полдень, и большинство обитателей либо дремали, либо сидели в своих комнатах и смотрели телевизор. Я оставил джип на стоянке и вышел, Делия последовала за мной. Ее спина стала более гибкой, и она была уже меньше похожа на дикобраза.

Мы миновали прихожую и поплутали по коридорам, пока я не нашел комнату Мэри. Дверь была закрыта. Я толчком распахнул ее и увидел, что она спит, так что мы присели и затаились. Это был один из моих любимых моментов в обществе Мэри. Когда она спала, то не дергалась.

Делия осмотрела комнату, увешанную настенными украшениями.

– Ты должен был рассказать мне, – прошептала она.

– После того как я снова начал играть, то стал искать надежное место, чтобы попробовать свои силы. Здесь люди просто благодарны за компанию и не слишком придирчивы, если ты будешь кое-где пропускать ноты или фальшивить. Кроме того, они довольно внушаемы. Мэри была одной из первых, для кого я играл. Чем больше времени мы были знакомы, тем больше я понимал, что у нас есть кое-что общее.

– Например?

– Мы оба поклонники Делии Кросс.

Делия изучила стены, обклеенные плакатами с ее атрибутикой.

– Правда, она упертая фанатка, – добавил я. – Иногда это граничит с навязчивостью.

Темные волосы Мэри упали на лицо, и струйка слюны стекала на подушку. Я заправил ей волосы за ухо и промокнул уголок рта. Она заморгала, улыбнулась, и нервный тик немедленно вернулся.

У Мэри сильный страбизм – проще говоря, косоглазие. Когда один глаз смотрит на вас, другой смотрит перпендикулярно, так что виден лишь белок. Фокусировка глаз чередуется слева направо и в обратном порядке. Ее правый глаз сосредоточился на мне, и она подняла голову, позволив подложить вторую подушку. Ее голос был хриплым и прерывистым, как у Кэтрин Хепберн.

– Ты только что мне снился.

Я придвинул к кровати стул из нержавеющей стали и положил руки рядом с ней на кровать.

– Да, и что там было?

– Как ты первый раз играл для меня.

– По правде говоря, я думал, что играю для всех, кто собрался в холле.

– Да, но ты не мог отвести глаз от меня.

Я рассмеялся.

– Это верно. – Ее правая рука начала хлопать по матрасу, как выброшенная на берег рыба, поэтому я подsunул снизу свою руку и удержал ее. – И до сих пор не могу.

За годы Мэри перепробовала множество препаратов, замедляющих развитие и эффекты церебрального паралича. Мало что помогало, и почти ничто не могло удержать ее тело от произвольных судорог.

Кроме одного средства. Когда я играю, она вообще не дергается. И говорит, что боль «смывается» из нее.

Мэри пробыла здесь большую часть своей взрослой жизни. Она местная любимица и редко о чем-либо просит.

Медсестра постучалась и вошла в комнату. Оглядевшись, она помахала мне:

– Привет, Купер.

– Привет, Шелли. Как Питер? – Я встал и помог перекатить Мэри на бок, а потом отрегулировал раздвижную ширму, чтобы Шелли могла сменить ей подгузник. Шелли делала это несколько тысяч раз. Она могла делать это даже во сне.

– Этот маленький проказник переключился с тубы на барабаны. Говорит, что у него больше чувства ритма, чем у трех ударников вместе, и что пора бы всем узнать об этом.

Рука Мэри поднялась из-за ширмы и оттолкнула мой подбородок от кровати, чтобы я не смотрел на нее.

– Лучше не смотри. Я, знаешь ли, еще женщина.

Я заговорил, глядя в стену:

– В любой группе нет более важного участника, чем барабанщик. Все живет и умирает в ритме. Ударники не всегда пользуются большим уважением, но они связывают остальных в одно целое.

Шелли повернула Мэри на спину и понесла сырой подгузник к двери.

– Может быть и так, но кролик из рекламы «Энерджайзер» не внушает доверия. Единственный ритм, который он может услышать, – это моя нога, пинающая его по... – Последнее слово она произнесла одними губами.

– Тут я ничем не могу помочь.

Шелли вышла, оставив нас с Мэри смеяться над шуткой. Но смех вызвал у нее сдавленный кашель – этого я уже давно не слышал. Она еще немного покашляла и отхаркалась.

Я сурово посмотрел на нее:

– Доктор Джордж слышал, как ты кашляешь?

– Он был здесь на прошлой неделе и еще раз сегодня утром. – Она указала на бутылочку на столе рядом с собой. – Ядерный антибиотик. Предположительно, он должен убить эту заразу.

Фокусировка ее глаз перескочила справа налево, и она увидела Делию, сидевшую на стуле у стены. Мэри удивилась, обнаружив в комнате еще одного человека.

– Ой, привет. Я вас не заметила. – Она потянулась к очкам с чудовищными линзами и водрузила их на переносицу. Ее голова склонилась набок, пока она изучала лицо Делии. Потом она наклонила голову в другую сторону и, наконец, вернула ее в среднее положение. – Это вы.

Делия встала и протянула руку:

– Привет, я Де...

Мэри схватила ее руку обеими руками.

– Я знаю, кто вы такая. – Она трясла и раскачивала ее руку. – Просто не могу поверить, что вы стоите в моей комнате.

Одно из моих занятий – развлекать людей. В сущности, это мое единственное занятие. Выполняя эту миссию, я починил отцовский автобус свозил на концерты в окрестностях столько медсестер и пациентов, сколько мог увезти. Без ночевки, только туда и обратно. А Делия Кросс была здесь любимой певицей. Каждый раз, когда она собиралась выступить в пределах нескольких часов от Буэна Висты, я получал запросы на автобусную экскурсию. После каждой экскурсии Мэри сохраняла корешки билетов, программки и афиши, и теперь каждая из них была вставлена в рамку и висела на одной из окружающих нас стен. Живой мемориал Делии Кросс.

Мэри посмотрела на меня, смахнула с лица волосы и потянулась за помадой, которая лежала на тумбочке рядом с ее кроватью.

- Ты должен был сказать мне.
- А ты бы мне поверила?
- Нет. Но тебе следовало попытаться.

Она свинтила колпачок, но ее рука слишком сильно дрожала. Это грозило неприятностями. Делия опустилась на кровать рядом с ней.

- Можно мне?

Мэри попыталась лежать тихо, пока Делия накладывала помаду на ее губы. Ее тело выражало эмоцию, которую не могло выразить ее лицо. Когда они закончили, я положил футляр с гитарой в ноги ее кровати, отпустил тормоз, удерживавший колесики, и покатил ее к широкой двери.

- Ты готова, милая?
- Полагаю, ты не собираешься рассказать мне, что происходит?
- Нет.

Она держала Делию за руку, пока мы шли по коридору.

- Купер О'Коннор!
- Да, мэм.
- Ты у меня в долгу.

Я рассмеялся:

- Тогда считай это умилованием.

Она задрала нос.

- Уми-лости... что?

Коридор выходил в большую открытую комнату, где большой чернокожий мужчина в костюме и черных лакированных туфлях потихоньку разминал пальцы на клавиатуре пианино.

- Умилование, – произнес он через плечо.

Мэри повернулась к нему:

- Только не ты тоже!

Он заиграл громче.

- Его отец любил это слово, – сообщил он. – Постоянно его использовал.

Мэри заговорила, перекрывая музыку, и расстояние между ее зрачками уменьшилось.

- Знаешь, я не поспеваю за тобой, когда ты начинаешь произносить эти слова по пятьдесят долларов за штуку. Что это значит?

– Это означает воздаяние, которое искупает все долги. А также искупительную жертву, но это уже другая история.

- Биг-Биг, – обратился я к нему. – Это Делия Кросс.

Пианист улыбнулся, приподнял огромные руки над клавишами и с трудом оглянулся через плечо.

- Мисс Делия Кросс. Я знавал это имя. Как поживаете, золотко? Добро пожаловать на пение гимнов.

Сестры располагали пациентов на кроватях, в креслах-каталках и на любимых стульях по окружности, в центре которой находилось пианино. Мисс Фокс сидела с вязаньем на коленях и тихонько бормотала себе под нос что-то насчет Ренни и о том, когда он приедет и заберет ее отсюда. Мистер Барнс стоял в углу в своих обычных ботинках с высокой шнуровкой и в халате: больше ничего. Мисс Филипс сидела в кресле-каталке, вынимая свои зубы и вставляя их обратно. Мистер Андерсон спал в постели, которую сестры откатали к стене. А мистер Симпсон сидел на табурете и выжидающе смотрел на меня. Остальные тихо переговаривались между собой. Несколько мне известно, этих людей объединяло лишь то, что все они жили в «Ривервью» и знали моего отца.

Я залез в стенной шкаф и достал несколько дополнительных инструментов. Я расставил перед мистером Симпсоном три пятигаллоновых ведра доньшками вверх и вручил ему

палочки. Потом я передал один тамбурин мисс Фокс, а другой положил рядом с рукой спящего мистера Андерсона. Мисс Филипс получила колокольчик. Потом я начал настраивать свою D-35.

Биг-Биг не стал дожидаться ответа от Делии.

– Теперь просто сядьте рядом со мной и дайте мне послушать этот ангельский голос, о котором я столько слышал, – сказал он. – Давайте покажем этим молодым неучам, как должен звучать настоящий голос.

Биг-Биг до сих пор был достаточно независимым, но несколько лет назад он продал свой городской дом, и я помог ему перебраться в многоквартирный домик из тех, что разбросаны вокруг «Ривервью». Эти домики с прекрасными видами на горы расположены достаточно близко, чтобы жильцы могли получать при необходимости помощь. Но он приходил и уходил отсюда по своему усмотрению и либо готовил у себя, либо ел здесь с кем-то еще. Это был независимый образ жизни для человека, который не знал, как долго еще он сможет поддерживать свою автономность.

Одна из сестер включила проектор и сидела за ноутбуком, прокручивая слайды, проецируемые на стену. Делия устроилась рядом со мной и уже собиралась что-то прошептать, когда Биг-Биг завел один из моих любимых напевов. Его голос был скроен, как будто по мерке, именно для этой песни: «Когда объявят переключку в небесах...»²²

Я вступил следом за ним, заполняя пустоты своей гитарой, пока его миролюбивый рев проникал в меня и исправлял все, что было неправильным. Через несколько секунд Делия тихо присоединилась к нам, созвучно подпевая. Биг-Биг улыбался и покачивал головой. После того как все проснулись, он исполнил «Я буду солнечным лучом»²³ и неизменный местный хит «В саду».

Вскоре Делия уже стояла рядом с Мэри, распевая и хлопая в ладоши. Мистер Симпсон держал почти идеальный ритм на ведрах-барабанах, а группа перкуссии прекрасно справлялась с тамбурином и колокольчиком. В какой-то момент у мисс Филипс выпала вставная челюсть, отлетевшая по полу к пианино. Удивленная, но не особенно смущенная, Делия подняла ее и протянула обратно. Мисс Филипс быстро вернула зубы на место и продолжила своевременные вступления с колокольчиком. Находясь под впечатлением от ее инициативы, мистер Барнс вышел в центр комнаты, протянул руку и предложил Делии станцевать под припев к «Благословенному обещанию». Она скромно согласилась и сохранила достоинство в танце с девяностодвухлетним стариком, постоянно сбивавшимся с такта. Правда, она едва не остановилась, когда он повернулся, и задняя часть его халата разошлась в стороны. Она закрыла рот одной рукой и указала другой на явившийся ее глазам неожиданный сюрприз.

– Бог ты мой!

Я покачал головой:

– Иногда он надевает халат задом наперед.

Она засмеялась и отвела взгляд.

– Не надо, пожалуйста!

Все это время Мэри лежала в постели с неподвижным лицом и шеей – и это при том, что она распевала во весь голос. Биг-Биг завел «Явись, источник всех благословений»²⁴, и я начал ощупью продвигаться через вступление. При этом мисс Фокс поднялась на ноги, начала хлопать в ладоши, глядя в потолок, и подпевать Делии. Когда мы достигли четвертого куплета, Биг-Биг заиграл потише и отступил на задний план, предоставив возможность солировать мисс Фокс. «Блуждая во тьме, Господи, я чувствую это...»

²² Песня Джонни Кэша.

²³ Христианский гимн на слова Нелли Тэлбот.

²⁴ «*Come Thou, Fount of Every Blessing*» – гимн, написанный пастором Робертом Робинсоном в XVIII веке.

Услышав звук второго женского голоса, – теперь уже Делия подпевала ей, – осмелевшая мисс Фокс провела нас через заключительную строфу. Хор центра «Ривервью» явился во всем блеске и почти не фальшивил.

После должного признания ее бесценного вклада, когда мисс Фокс опустилась на место под аплодисменты увеличивающейся группы медперсонала и пациентов, Биг-Биг исполнил «Сколь велика Твоя праведность»²⁵. Потом он оглянулся через плечо на Мэри, которая сидела с сияющим лицом в ожидании собственного сольного выступления. Биг-Биг сыграл еще несколько аккордов и затих, положив руки на колени и позволив мне заполнить место вступлением для ее соло.

Когда я закончил перебор, то начал тихо брэнчать по струнам в ожидании выхода Мэри. Она безупречно рассчитала время, и ее трепетный голос завел: «Когда я вижу крест чудесный, где Князю Славы было суждено...» Непроизвольные аплодисменты заставили ее улыбаться еще шире. Делия подошла к изголовью кровати и стала тихо подпевать ей. Мария нажала кнопку сервомотора, приподнявшего ее голову и плечи больше чем на сорок пять градусов, взяла Делию за руку, и две новые лучшие подруги завершили песню.

Биг-Биг поблагодарил собравшихся за участие, сделал объявление о дружеской встрече с мороженым завтра вечером, напомнил о запрете кормить оленей, а потом, когда в комнате наступила тишина, начал вступление к последней песне. Он повернулся к Делии и спросил:

– Мисс Кросс, могу я попросить вас сесть рядом со мной и спеть для нас?

Она прошла между кроватями и села на скамью спиной к его левому плечу. Потом она открыла рот и запела так чисто и пронзительно, как я уже давно не слышал:

– «О, Господи, когда я пребываю в дивной власти...»²⁶ – Когда она достигла четвертой строфы, – «Когда придет Христос под ликованье...» – многие сотрудники центра уже вели съемку на сотовые телефоны. Все остальные перестали петь, а Биг-Биг сидел с закрытыми глазами. – «Сколь Ты велик... сколь Ты велик». – Последняя звенящая нота сорвалась с ее губ, взлетела к потолку, и в наступившей тишине можно было услышать упавшую булавку. Потом мистер Барнс захлопал, и все остальные присоединились к нему.

Не знаю, какое воздействие эта песня оказала на присутствующих, но знаю, что когда Делия встала и поцеловала Биг-Бига в щеку, ее плечи расправились, морщинки в уголках глаз исчезли, и какие бы рефлекторные барьеры она ни носила в себе, теперь они рухнули и рассыпались у ее ног.

Биг-Биг встал, поклонился Делии и сказал:

– Пожалуйста, мисс Кросс, приходите еще. – Он указал на меня: – Он играет лучше, когда вы здесь.

Мы выкатили кровать Мэри в коридор и повезли в ее комнату. Шелли предложила сфотографировать ее вместе с Делией, пообещав вставить снимки в рамки и повесить на стены, где и так оставалось мало свободного места. Воспользовавшись моментом, Делия залезла на кровать к Мэри, и они стали позировать, как две давно разлученные сестры при первой встрече. Мэри сияла от удовольствия.

Когда мы выходили, Мэри окликнула ее:

– Делия?

Делия повернулась к ней. Мэри потянулась к столу возле кровати и взяла обложку компакт-диска.

– Вы подпишете это?

²⁵ «*Great is Thy Faithfulness*» – гимн, написанный проповедником Томасом Крисхольмом в XIX веке.

²⁶ Строка из гимна «*How Great Thou Art*», основанного на шведской народной мелодии. Стихи написаны Карлом Густавом Бобергом в 1885 году.

Это был второй альбом Делии. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как мы записали этот альбом в Нэшвилле, незадолго до пожара. Делия подписала обложку и протянула обратно, задержавшись у кровати и глядя на меня. Она постучала пальцами по поручню, удерживавшему Мэри от падения на пол, и спросила:

– Мэри, Купер рассказывал тебе об этом диске?

Мэри покачала головой:

– Что вы имеете в виду?

– Он когда-нибудь говорил, что принимал участие в записи альбома?

Мэри выпучила глаза.

– Нет! – Она посмотрела на меня. – Этого он никогда не говорил!

Делия кивнула:

– Так я и думала. – Она пододвинула табуретку, села и повертела в руке обложку компакт-диска. – А он говорил тебе, что сочинил восемь композиций для этого альбома?

Мэри едва не свалилась с кровати.

– Что?

Делия двигала пальцем по обложке, пока говорила.

– Он написал вот эту, и эту, и эту, и эту... – Когда она указывала на каждую песню, глаза Мэри становились все более круглыми. – И на гитаре везде играет он сам.

Мэри посмотрела на Делию:

– Это значит... Куп сочинил пять лучших хитов?

– Да, – кивнула Делия.

Мэри повернулась и швырнула в меня подушкой.

– Купер О'Коннор! Я уже двадцать пять лет лежу здесь и вмерзаю в эту кровать, а ты даже не чирикнул об этом. Даже ни разу не предложил сыграть одну из твоих собственных песен! – Она бросила вторую подушку. – Не могу поверить, что ты все это время молчал!

Я пожал плечами и положил обе подушки на кровать, чтобы она не смогла до них дотянуться. Делия хлопала ее по руке.

– Просто подумала, что тебе захочется узнать.

Мэри скрестила руки на груди и улыбнулась.

– Я намерена серьезно побеседовать с ним, когда вы уйдете, и я не буду выглядеть дурой, когда начну орать во все горло.

Когда мы предприняли очередную попытку уйти, Мэри окликнула меня:

– Купер?

Я сунул голову обратно в комнату.

– Мы квиты.

Когда я закрывал дверь, она заливалась хохотом.

– Мы даже не начинали...

Делия молчала, пока мы не подошли к автостоянке. Мы забрались в джип. Я завел двигатель, надел темные очки и собирался включить заднюю передачу, когда Делия мягко накрыла ладонью мою руку. Она откинулась на подголовник и покосилась на меня:

– Спасибо тебе.

– За что?

Она кивком указала на здание, откуда мы только что вышли:

– За это.

– Нет, это тебе надо сказать спасибо. Ты сделала многих людей счастливыми на целый день. А у Мэри был самый радостный день за целый год. Возможно, за десять лет. Весьма вероятно, что сейчас видео с тобой как вирус распространяется на YouTube.

– Я ничего не дала им по сравнению с тем, что они дали мне. – Делия закрыла глаза. – Прошло уже много времени с тех пор, как кто-то размещал где-то видео с моим участием.

Когда солнце зашло за гору Принстон, прохлада начала выползать из теней и расселин. Здесь, наверху, холод никогда не уходит полностью, даже в летние месяцы. Он всего лишь прячется за скалами и таится в воде до захода солнца. Но сейчас, на пороге октября, он немного быстрее выбирается из-за камней.

Отъезжая с автостоянки, я посмотрел в зеркало заднего вида. Биг-Биг стоял на лужайке и смотрел нам вслед.

Он улыбался.

Глава 7

Хотя Буэна Виста угнездилась за Колледжиэйт Пикс²⁷, это не зимний горнолыжный курорт, как Вейл, Аспен или Стимбот. Зимняя жизнь здесь тихая и размеренная. Город почти не затронут внешними влияниями. Летом дела обстоят немного иначе. С учетом близости к Континентальному водоразделу²⁸ с первоклассными возможностями для пеших и автомобильных экскурсий, рафтинга, плавания на байдарках и каяках и поездок на горном велосипеде, население увеличивается на пару тысяч любителей приключений из соседних колледжей, которые составляют команды для рафтинга, наводняют магазины, торгующие снаряжением, разбивают летние лагеря и ищут приключения на природе. Несколько тысяч местных жителей, которые называют «Бьюни» своим домом, так же терпимо относятся к притоку и оттоку любителей путешествий, как к таянию снега весной.

Это необходимость.

Театр «Птармиган» был построен как церковь в 1860-х годах. Сооруженные из гранитных блоков, высеченных из горной плоти, его стены четырехфутовой толщины поднимаются изнутри к сводчатому потолку и террасе с видом на сцену с причудливой резьбой. Около 1900 года в связи с резким сокращением количества прихожан церковь была секуляризирована, и местный антрепренер превратил ее в театр с местами на двести человек. Так продолжалось до закрытия театра в 1929 году, после чего он потихоньку ветшал и разрушался в течение пятидесяти лет. От него осталась только внешняя оболочка.

К 1990 году, когда мой отец выкупил дом на городских торгах с понижением цены до десятков пенни за доллар, стены были покрыты граффити, большинство витражных стекол были разбиты или вынесены, крыша протекала, а местные сквоттеры притаскивали сюда матрасы, где скоро расплодились крысы. Для зимнего обогрева некоторые наиболее решительные посетители сожгли несколько церковных скамей и почти все оставленные Библии и сборники духовных гимнов.

Но из-за того, что мой отец называл «конструктивной ошибкой», здешняя акустика была превосходной. Он не знал или никогда не говорил, что хочет сделать с домом, но не мог вынести мысли о том, что разрушение продолжится. Помню, как он стоял на парадном крыльце и качал головой. «Как можно секуляризовать церковь?» Отец не мог этого понять.

В чем бы ни заключались его планы насчет бывшего театра, они так и не осуществились.

Когда я впервые вернулся в Буэна Висту, то почесал затылок, внимательно посмотрел на «Птармиган» и решил закончить начатое отцом дело. По крайней мере, моим рукам найдется какое-то занятие, пока ум не придет в порядок. «Птармиган» был назван в честь высокогорной птицы, похожей на рябчика, которую окрестили «снежной курицей» за способность сливаться с окружающей действительностью, но которая, как выяснилось, называется белой куропаткой. Она предпочитает скалистые горные склоны, а ее голос похож на громкое кваканье.

Идеально подходит для меня.

Но попытка вернуть «Птармигану» его былую славу сталкивалась с одной насущной проблемой. Деньги. Когда я покинул Нэшвилл, то мало что имел при себе. С одной стороны, Джимми, с другой – воспоминания, многие из которых были болезненными. Добавьте к этому наше пронзительное расставание; поэтому я предполагал, что в борьбе между вероломным продюсером и ожесточенной Делией все деньги от написанных мною песен были безвозвратно потеряны. Потом я позвонил в свой банк в Нэшвилле.

²⁷ Колледжиэйт Пикс – горный хребет в Колорадо.

²⁸ Американский континентальный водораздел – условная линия, к западу от которой в Америке находится бассейн Тихого океана, а к востоку – бассейны Атлантического и Северного Ледовитого океанов.

Очевидно, наша размолвка была не первым кровавым разводом в Музыкальном Городе. Когда банкир сообщил мой баланс, я едва не уронил трубку. «Прошу прощения?»

За пять лет после моего ухода комиссионные накапливались, и на них насчитывались проценты. Я не мог купить реактивный самолет или особняк в Хэмптон-Корт, но у меня были возможности для выбора.

За несколько лет я снова превратил бывшую жемчужину Буэна Висты в притягательно старомодный театр на двести мест. Кроме того, я модернизировал галерку и превратил ее в жилую квартиру, где останавливался зимой, когда снег и лед выдворяли меня из хижины в горах. По собственной прихоти я также установил довольно изощренное оборудование для звукозаписи.

Вскоре «Птармиган» стал известен как акустическая сцена для местных постановок, школьных рождественских мюзиклов и выступлений концертирующих хоровых групп.

Сделав кое-что для «Птармигана», я обратил внимание на «Лэриэт», или «Канат». В этом заведении каждый вечер звучит живая музыка, и оно заработало себе имя среди авторов и исполнителей акустической музыки к западу от Скалистых гор. Платят там немного, но посетителей в избытке, а благодаря летнему наплыву жаждущих студентов новости распространяются быстро и широко. Желая сохранить свое участие в безвестности, я создал ООО под названием «Тимпан и свирель» и выкупил «Канат». За исключением моего юриста, никто не знает, что я владелец, и это мне нравится.

«Канат» расположен в старом кирпичном здании с двумя просторными, гулкими помещениями. Потолки выше пятнадцати футов, что объясняет, каким образом добровольческая пожарная бригада № 99 умудрялась держать там пожарную машину с выдвижной лестницей в 1950–1960-е годы. В одном помещении подают пиво и полуправду, а в другом играют музыку и говорят другую половину правды. Акустика неплохая, и чем больше пива выставляет Фрэнк, тем лучше она становится.

Фрэнк Грин – это нынешний главный управляющий. Я проинтервьюировал и нанял его по телефону, так что, по его разумению, он никогда не встречался со своим боссом лицом к лицу. Он из местных, и если не считать того, что он лжец, обманщик и воришка, который недоплачивает музыкантам, он вполне хорош для своей работы. Он лысый, с кустистыми бровями, в последние годы заметно раздался в талии, редко отводит глаза от пола, водит двадцатилетнюю колыхающуюся, которая извергает клубы белого дыма, и прикарманивает от трехсот до пятисот долларов в неделю из кассового ящика.

Их он тратит на оплату химиотерапии для своей жены и логопеда для своей дочери.

Фрэнк поднял голову, когда вошли мы с Делией. Он кивнул мне и отложил тряпку, которой протирал стойку бара, затем взял швабру и стал мыть пол. Он сильно горбился.

– Как Бетти? – спросил я.

Он окунул швабру в ведро и отжал ее поворотом рычажка. В воздухе витал запах пайн-сола²⁹.

– Сегодня получше.

Каждый раз, когда я задавал этот вопрос, его глаза не отрывались от пола, и он всегда отвечал одинаково. Однако за эти годы Бетти не менее десяти раз ложилась в больницу и выходила оттуда. Отделение интенсивной терапии; борьба с одной инфекцией, потом с другой.

На стене над ним висел плакат с изображением идиллического острова для отпуска посреди океана. Пальмы, легкий бриз, маленькие коктейли с зонтиками. Фрэнк никогда не уезжал из Колорадо. То же самое относилось к его жене и дочери. Края плаката загибались наружу, и это было ясным напоминанием об отпуске, который он никогда не возьмет. Раньше мне доводилось видеть Фрэнка, разглядывавшего эту картинку. Теперь уже нет.

²⁹ Жидкость для мытья полов.

Несколько раз, когда он слишком глубоко залезал в бутылку бурбона, он пересказывал мне воспоминание о том, как его отец, – с самого раннего детства, которое он мог припомнить, – награждал его подзатыльниками и приговаривал со слюной в уголках пьяного рта: «От тебя нет никакого толку. Из тебя никогда не выйдет ничего путного. Сделай нам одолжение и сдохни прямо сейчас».

Потом Фрэнк смотрел в окно на улицу, поднимал стакан, глотал, вытирал губы тыльной стороной ладони, со стуком опускал стакан и натужно улыбался. «И он был прав!» – добавлял он. И каждый раз, когда он это делал, я не замечал силу его рук, как у морячка Полая³⁰, мощь его ног, похожих на древесные стволы, или браваду в его голосе, но видел лишь слезы в его глазах.

Первые несколько лет, когда он работал на меня, он был довольно честным и справедливым. Это было до того, как его жена заболела.

Фрэнк прячет свой стыд внутри.

Я опустился на табурет в углу и подключил Эллу к усилителю. Принимая во внимание мощь легких Делии, мне был нужен инструмент с рыком и ударной мощностью, и, хотя я смягчал и даже приглушал звук гитары в замкнутом пространстве комнаты в «Ривервью», D-35 обладала этими качествами. Делия стояла справа от меня и немного впереди. Микрофон перед ней. Выцветшие джинсы. Шерстяная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Волосы зачесаны вверх и назад. Ее правый рукав был расстегнут и спускался до костяшек пальцев, прикрывая большую часть бандажной повязки. Шик и блеск некогда восходящей звезды остались в прошлом. Никакой претенциозности, никаких попыток изображать предыдущую версию себя. Делия стояла там просто как Делия.

Я настраивал гитару, пока она ждала, поглядывая на меня через плечо.

– Я куплю тебе электронный тюнер на Рождество, – с улыбкой прошептала она.

Я постукал себя по уху.

– У меня встроенный тюнер. Как точилка в торце коробки с карандашами.

Вопрос вертелся у нее на языке. Я почти видел, как он торчит там, видел, как она пытается проглотить его. Поэтому я ответил, не дожидаясь ее вопроса:

– Хирург в Нэшвилле постарался на славу, когда восстанавливал проколотую барабанную перепонку, потому что я могу слышать, как Стив Остин³¹.

– Кто?

Я дернул басовую струну «ми» на гитаре и опустил ее на две октавы ниже, полностью сбив настройку.

– Его называют «Человек на шесть миллионов долларов».

Она рассмеялась, и напряжение сползло с ее скул по плечам и отправилось за дверь, где тлели остатки боли нашего общего прошлого.

Некоторые люди нервничают на сцене. Потеют, запинаятся, спотыкаются. Слишком много говорят, потому что тишина пугает их. Другие рождены для сцены. Одна из моих любимых вещей в живой музыке – это радость играть с человеком, который забывает о деньгах, когда выходит на сцену. Лицо Делии говорило мне, что она могла бы петь и бесплатно, несмотря на то что Фрэнк поспешно извинился и исправил свою «ошибку», согласившись заплатить ей обычные триста долларов за живое выступление.

Еще более интригующим было то обстоятельство, что, кроме меня, Фрэнка и Делии, в баре находились лишь два человека, наполовину осушившие третью и четвертую кружку пива соответственно. Это означало, что через двадцать минут они, вероятно, даже не услышат ее.

Вечер обещал быть интересным.

³⁰ Моряк Полай – герой американских комиксов и мультфильмов.

³¹ Стив Остин (р. 1964) – киноактер, бывший профессиональный рестлер по прозвищу Ледяная Глыба.

Я разогревал пальцы, наигрывая гаммы, когда она снова оглянулась через плечо.

– Хочешь, куплю тебе пива?

Я кинул в рот таблетку от изжоги.

– Мне и так хорошо.

Она приподняла брови.

– Кислотный рефлюкс?

– Что-то вроде того.

Она посмотрела, как я перебираю струны, и ухмыльнулась.

– Ты готов или тебе нужно еще попрактиковаться?

– После вас.

Она снова ухмыльнулась:

– Ну хорошо, тогда начнем в тональности ми. Ты знаешь, где это?

Мои пальцы прошлись по тональности ми мажор, перебирая лады и струны.

– Подожди минутку, я поищу.

Без приглашения и без лишней помпы, без попытки успокоить нервы лишними разговорами, Делия открыла рот, и, когда она запела, мне показалось, что на сцену вышла сама Дженис Джоуплин. После «Я и Бобби Макги» она сразу же перешла к «Кусочку моего сердца». Когда мы немного размялись, и она разогрела голосовые связки, то сделала левый поворот к норме и поднялась на три пролета к невозможности с вариантом «Я всегда буду любить тебя» в исполнении Уитни Хьюстон.

Я перестал играть, чтобы лучше слышать ее, отчего она посмотрела на меня с выражением «Что ты творишь?», но когда мои пальцы легли на гриф и зазвучали ноты, сопровождающие ее голос, я подумал: «Кто в здравом уме попытается петь, как Уитни Хьюстон?»

Вокруг послышались разговоры, а может быть, ее голос был хорошо слышен на улице. Так или иначе, но после шести песен мы уже видели толпу в пятьдесят-шестьдесят человек, подошедших из соседних ресторанов или просто проходивших мимо. Многие из них стояли с выпученными глазами. Все были зачарованы. Никто не смотрел на меня, и это означало, что я справляюсь со своей работой. К тому времени, когда она завершила первую часть выступления пылкой серенадой, двери были распахнуты настежь, и люди пили пиво на тротуаре и заглядывали в окна снаружи. Сесть было уже негде.

Когда-то в музыкальной истории появился романтический идеал, связанный с жизнью музыкантов. О том, что они почему-то более искренние и честные, глубже понимают суть человеческого бытия и тайны вселенной и в то же время ведут неустанную безмолвную борьбу с разрушительными наклонностями и внутренними демонами. В этом вихре душераздирающей тоски, гнева и муки одинокий голос ведет доблестную борьбу и в конце концов обретает свою силу и завершенность в песне.

Все это не имело отношения к Делии.

Делия черпала энергию для своих песен из другого источника, чистого и неизменного. Чего-то такого, что она защищала, несмотря на то что никто не защищал ее. Ни войны. Ни тоски. Ни внутренних демонов. Она просто выносила песню на сцену, открывала рот и дарила ее людям.

Это был акт дарения.

Песня Делии изливалась из нее, как вода. А те, кто слушал, до сих пор блуждали в пустыне.

Где-то в середине второй части один из парней, которые были в баре с самого начала, встал и нетвердой походкой направился к импровизированной сцене. Его лицо выражало недоверие, смешанное со щенячьим обожанием. Я подвинулся вперед на краю табурета, но Делия сделала знак рукой, чтобы я остановился. Он полез в карман, вытащил несколько мятых купюр и бросил их на пол к ее ногам. Она прошептала «спасибо» одними губами, и парень вернулся на

свое место, пятясь от нее задом. Вскоре его примеру последовали другие. Когда мы завершили вторую часть выступления, Фрэнк принес пустую галлоновую банку от пикулей и поставил ее у ног Делии. Купюры заполнили банку почти до половины.

Сценическое присутствие Делии было доведено до совершенства двумя десятилетиями жизни на дороге. Она устанавливала визуальный контакт, разговаривала со слушателями.

– Откуда вы родом?

– Вы давно женаты?.. Вот, в честь пятнадцатилетия совместной жизни.

– Привет. У вас есть любимая песня?

– А, сегодня ваш день рождения. Поздравляю!

Супружеская пара с дочерью восьми или девяти лет протолкнулась в переполненный бар; маленькая девочка гримасничала и что-то быстро говорила.

Делия указала на них.

– Эй, мама и папа! Она может спеть со мной? Не возражаете? О'кей, иди сюда.

Девочка прошла вперед через толпу, которая расступалась перед ней, как воды Красного моря. Делия поставила высокую табуретку и посадила ребенка. Девочка уселась поудобнее, ее ножки болтались в воздухе. Делия опустилась на корточки и спросила:

– Что будем петь?

Девочка что-то прошептала ей на ухо.

Я никогда не слышал более красивого исполнения «Над радугой». Делия буквально кормила нас с рук. Я был так же зачарован, как и остальные, и в конце концов перестал играть, чтобы слушать. Она снова выразительно посмотрела на меня, но я покачал головой. Потом они спели «Тарелку спагетти». Пока толпа аплодировала, девочка снова зашептала что-то на ухо Делии, после чего они триумфально исполнили «Ты мое солнышко».

Рэй Чарльз, Рой Орбисон и еще два десятка песен, – ее голос золотым дождем осыпал жаждущих слушателей. Они утопали в нем. Когда она завела «Высоко в Скалистых горах» Джона Денвера, все дружно подхватили, сотрясая окна. Когда она довела их до слюнявого неистовства, то исполнила «Ты перестал любить» и без подготовки перешла к «Раскованной мелодии»³². На этом этапе каждый мужчина в баре хотел расцеловать Делию. Включая меня.

Делия допелась до того, что взмокла от пота, что побудило Фрэнка принести ей полотенце и поднять одну из гаражных дверей, позволяя нашему концерту выплеснуться на улицу. Делия вытерла лицо и руки и пошутила насчет того, что если остальные девушки запотевают, то она потеет. Наконец, почти через три часа, она уселась на табурет и сказала:

– Думаю, мы играли достаточно долго, и хотя вы все были очень добры ко мне, пожалуйста, – тут она отступила в сторону, – похлопайте лучшему гитаристу, которого я когда-либо слышала, а тем более пела вместе с ним, – Куперу О'Коннору.

Толпа, теперь составлявшая уже не менее ста пятидесяти человек, была не готова к окончанию представления. Топая ногами и стуча кружками по столам, они дружно требовали продолжения. Делия согласилась и исполнила «Не могу насытиться твоей любовью». Ей не хватало лишь дискотечного сверкающего шара и Барри Уайта³³ собственной персоной. «Теперь я видел все», – подумал я.

Пока я наблюдал за ее выступлением, меня посетила еще одна мысль. Я сыграл несколько нот, и Делия повернулась ко мне.

– Помнишь эту? – Я мимически изобразил гром и молнию. Делия повернулась к слушателям и объявила:

³² Песни дуэта Righteous Brothers (Билла Медли и Бобби Хэтфилда), записывавшего свои композиции с 1962 по 1975 год.

³³ *Барри Уайт* (1944–2003) – певец и музыкант в стиле ритм-энд-блюз, пик популярности которого пришелся на 1970-е годы. Тираж его дисков превысил 100 млн, и он считается одним из самых продаваемых исполнителей.

– Прошло уже много времени с тех пор, как я исполняла эту песню. С тех пор, как я хотела это делать.

– Думаешь, ты сможешь вспомнить слова? – прошептал я.

Она снова встала, подняла микрофон и с улыбкой ответила:

– Думаешь, ты сможешь вспомнить аккорды?

Люди подхватили мелодию, а некоторые стали поднимать телефоны и снимать ее выступление на видео. Это было едва ли не самое большое веселье, которое я видел за последние двадцать лет. Когда Делия закончила на последней восходящей ноте, на ее шее выступила пульсирующая розовая жилка. Тогда я понял, что она вложила до конца.

Когда она замолчала, ни один человек не остался сидеть на месте. Аплодисменты не стихали пять минут.

– Поскольку мы все стоим, давайте закончим старинной застольной песней, – сказала она. – Мой голос будет тостом, а ваши камеры засвидетельствуют это. Но мне понадобится помощь. Давайте мы все будем петь!

– Человек, который написал это, провел много времени за решеткой. Он написал эти строки в трюме корабля рабовладельцев, когда наконец понял, в какой бардак он превратил свою жизнь. Мне нравится думать, что он написал эти слова, потому что нуждался в этом, и если сегодняшний день мне что-то напоминает, я тоже нуждаюсь в этом. Может быть, вы иногда чувствуете то же самое. – Она жестом попросила меня встать рядом с ней и поставила микрофон между нами. Потом она прикоснулась к шее, слегка покачала головой, наклонилась и прошептала:

– Помоги.

Думая о том, что Делия уже на исходе сил, я благоговейно смотрел, как она возглавила полупьяный хор из бородатых и татуированных сыновей шахтеров, водителей грузовиков, речных проводников, лыжников-любителей и любительниц молодых спортсменов во вдохновенном исполнении «Изумительной благодати»³⁴.

Где-то на середине второй строфы она взяла меня за руку и потянула к микрофону, словно спрашивая: «Почему ты не поешь?»

Мой отец был шести футов и пяти дюймов роста, с глубоким грудным голосом, и когда он пел, то каждый раз поднимал руки. Не важно, где он находился. Его не беспокоило, что могут подумать другие. И когда он делал это, все обращали внимание, потому что его голос и тело выделялись на общем фоне. Должно быть, мне было не больше четырех лет, когда я стоял рядом с ним и пел эту песню. Моя макушка доходила ему до середины бедра. Биг-Биг исполнил вступление на пианино, и когда отец проревел слово “*Изу-ми-тельная*”, то помню, как звук завибрировал и зарокотал у меня в груди, словно прибой на пляже. Испуганный и взволнованный, я обхватил его ногу и крепко держался, зная, что последует дальше. Помню пот, выступивший на его лице и стекавший по рукам.

Когда я открыл рот и выдавил несколько нот, Делия повернулась ко мне. Она отклонилась назад, перестала петь и только слушала. Слезинка, выкатившаяся из ее правого глаза, дала мне понять, что мои слова глубоко проникли. Должно быть, остальные разделяли ее изумление, потому что я самостоятельно допел половину третьей строфы. Только я и гитара.

Давненько я этого не делал.

Делия зааплодировала вместе с остальными и снова запела. Хор грянул вдвое громче предыдущего, и теперь вечер обрел собственную мелодию.

³⁴ «*Изумительная благодать*» («Amazing Grace») – самый популярный христианский гимн, написанный поэтом и священником Джоном Ньютоном. Издан в 1779 году. В словах Делии есть доля истины: в ранней юности Ньютон служил на судне работорговцев, и его запирали в трюме с рабами за буйное поведение и даже хотели продать в рабство на плантации. Интересно, что первоначально стихи были посвящены его другу Куперу.

Когда мы наконец достигли строфы: «Пройдут десятки тысяч лет, / Забудем смерти тень», все возвысили голос и подняли кружки, расплескивая пиво и пену. Со своего наблюдательного пункта через открытую гаражную дверь я видел улицу и три квартала в сторону центра «Ривервью», который находился по другую сторону моста. Огромный человек с высоко поднятыми руками расхаживал взад-вперед по мосту, купаясь в желтом сиянии уличных фонарей.

Звук может переносить человека во времени.

Мы завершили вечер под общий свист, аплодисменты и просьбы о фотографиях и автографах. Фрэнк, который явно обрел новую религию, объявил выпивку за счет заведения, и «заведение» оценило этот жест. Делия, только что поставившая подпись на груди какого-то парня и сфотографировавшаяся с шестью студентами, обняла меня и прошептала мне на ухо:

– Кажется, они говорили, что ты больше никогда не будешь петь?

Я убрал Эллу в футляр и кивнул ей.

– Да, они так говорили.

Она взяла меня под локоть.

– Я рада, что они ошибались.

Я не потрудился ответить ей, что они не ошибались.

Я был на двадцать лет моложе. Врач сидел на табурете из нержавеющей стали на колесиках возле кровати и глубоко вздохнул, прежде чем заговорить, – тихо, как будто тон голоса мог смягчить удар.

– Вы больше никогда не будете петь. – Он помедлил и покачал головой. – Возможно, даже говорить. – Он взглянул на мою забинтованную руку. – Не сможете играть на инструменте правой рукой. Наверное, вы останетесь глухим на правое ухо. А потом еще ваша печень...

Я никак не мог сфокусировать взгляд, и окончательность его приговора не помогала этому.

– Прогноз не...

Пока его губы шевелились, а фигуры в холле сновали туда-сюда, торопясь по обычным делам, я думал: «Он не может говорить такое обо мне. Мои песни звучат на радио. Я делаю звукозапись. Собираюсь жениться. У меня есть планы на жизнь».

Он закончил говорить, и наступило тяжелое молчание. До меня дошло, что он, в сущности, на самом деле говорил обо мне.

Мои губы распухли и потрескались.

– До каких пор? – прошептал я.

– Научитесь жить по-другому.

Хриплый шепот:

– Как заключенный в камере смертников.

Он наклонил голову набок.

– Кто-то может сказать и так.

– А как бы вы сказали... если бы лежали здесь?

Он не ответил.

Я посмотрел в окно на ослепительно голубой горизонт Нэшвилла.

– Сколько времени у меня есть?

Он пожал плечами:

– Трудно сказать...

Глава 8

Полночь быстро миновала, когда мы выехали из Буэна Висты на запад по шоссе 306, свернули на юг по шоссе 321 и двинулись вокруг национального парка Хот-Спрингс у горы Принстон, мимо меловых утесов и по гравийной дороге, ведущей к заброшенному шахтерскому городку Сент-Эльмо.

Сент-Эльмо расположен на высоте примерно двенадцати тысяч футов. Этот городишко процветал во времена серебряного бума. После принятия Серебряного акта³⁵ цена на серебро устремилась вниз, как и численность населения Сент-Эльмо. Все случилось во многом так же, как это произошло в Лидвилле. За две недели 90 процентов жителей собрали свои вещи, заколотили дома и выехали из города. Но когда кто-то добрался до основной рудной жилы в верхней шахте Мэри Мэрфи, народ вернулся, и Сент-Эльмо снова расцвел. Кто-то должен был обрабатывать руду, а ни одна шахта не была более продуктивной, чем Мэри Мэрфи. С учетом высоты, зимой город становился почти недоступным. Немногочисленные закаленные старожилы умудрялись перезимовать, но нужна была особая стойкость, чтобы пережить местную зиму.

И до сих пор нужна.

Делия во время поездки почти все время молчала; казалось, она наслаждается тишиной и лунным пейзажем. К тому времени, когда мы завершили длинный поворот и миновали спуск к ревущему водопаду Чок-Крик, она свернулась на сиденье боком и задремала. Я изо всех старался объезжать ухабы и не смотреть на нее. С ухабами мне удавалось неплохо справляться.

Пергидроль оставался для меня загадкой. Когда-то у нее были прекрасные, шелковистые темные волосы. А теперь кожа на ее руках потрескалась, а ногти были обкусаны до мяса. Под рокот двигателя и шорох покрышек я различал ее тихое сопение.

Мы поднялись между рядами ясеней к Сент-Эльмо и повернули на грунтовую дорогу 295, которая вела к шахте Мэри Мэрфи и дальше. Здесь дорога начинает круто подниматься, поэтому я остановился, переключился на четвертую пониженную передачу и сбавил обороты.

Она проснулась, вытерла слюну в уголке рта и застегнула ремень безопасности.

– Ты здесь живешь?

– Недалеко отсюда. – Я переключился на вторую передачу. – Это было одно из любимых мест моей матери. Отец смеялся и говорил мне, что Бог сотворил меня здесь, под ясенями. У меня ушло несколько лет, чтобы понять, о чем он говорил. Они находились в процессе строительства домика, когда она заболела. Весной мы с отцом похоронили ее и приехали сюда, когда мне было пять лет. С каждым годом лето затягивалось дольше, и мы оставались здесь до тех пор, пока снег не выгонял нас. Когда я... когда я уехал из Нэшвилла, то отправился на запад. Провел несколько лет, глядя на Тихий океан, пока мое тело выздоравливало. Когда немного поправился физически, то стал заниматься мелкой работой. Всем, что могло отвлечь, что могло занять руки и ум на несколько недель. Потом я столкнулся кое с чем, что напомнило о прошлом, и снова отправился в путь. – Еще одна пауза. – Еще несколько шишек, и оказалось, что я хожу кругами вокруг единственного дома, который когда-либо знал. С тех пор я здесь.

Она накрыла ладонью мою руку и попыталась заговорить, но слов было слишком много, и она слишком устала. Делия выглядела не так, как будто ей нужно было хорошенько выспаться и проснуться отдохнувшей. Она выглядела так, как будто ей нужно было проспаться шесть недель, проснуться, поесть, а потом поспать еще шесть или восемь недель.

³⁵ Закон Шермана о госзакупке серебра 1890 года, ограничивший свободное обращение серебра в виде монет, привел к резкому падению цен на серебро.

Через милю мы сравнялись с линией гор, а затем пересекли ручей под хижинкой. Мамины ясени росли по обе стороны от дороги. В кронах играл легкий ветер, заставляя листья тихо шелестеть, оставляя белые и зеленые проблески в свете фар.

– Слышишь? – спросил я. – Отец в шутку говорил, что это единственные аплодисменты, в которых он нуждается.

Когда она увидела хижину, выросшую на склоне холма, то указала на нее:

– Твой отец это построил?

– Он начал, когда еще ходил на свидания с моей матерью. После ее смерти мы закончили постройку. – Я улыбнулся. – Все удобства в наличии. Электричество, горячая и холодная проточная вода. И мобильная связь нормально работает, если стоять в нужном месте на крыльце.

Мы поднялись по ступеням крыльца, где она остановилась в ожидании, что я отопру дверь. Но мои руки были заняты.

– Входи, не заперто, – произнес я, едва удерживая четыре пакета с продуктами.

Я отнес еду на кухню, зажег огонь, чтобы стало теплее, а потом нашел ее на заднем крыльце, созерцающую мир. Была ясная ночь, и луна высоко стояла в небе. Я протянул руку и указал пальцем:

– Вон тот пик находится в двухстах милях от нас. Отец стоял на том же месте в такие же ночи и говорил: «Здесь Божий покров особенно тонкий».

– Он был прав, – прошептала Делия.

Она прислонилась ко мне и взяла меня за руку, слишком усталая для разговора. Я отвел ее в свободную спальню, где приоткрыл окно, а она сняла сапоги и легла. Я накрыл ее одеялом, выключил свет и встал у двери.

– Могу я спросить тебя кое о чем?

– О чем угодно.

– Почему ты сегодня вечером не спела ни одной своей песни?

– Когда я работала над своим третьим альбомом, Сэм решил, что мне нужно стать более резкой. Более... – она подняла пальцы и обозначила кавычки в воздухе, – более *современной*. Прошло несколько лет, и я стояла на сцене где-то в Калифорнии или, может быть, в Вашингтоне и вдруг осознала, что слушатели в зале не знают песен. Не знают слов. Не подпевают. И, учитывая огромное количество прожекторов, лазеров, грима и сценических хлопушек, я не могла их винить. В этих песнях не было ничего хорошего. Просто баракло. К чему и было беспокоиться? Я определенно не беспокоилась, и они это понимали по тому, как я пела. Но мне нужно было зарабатывать на жизнь, поэтому я стала исполнять вещи, которые они знали. Кавер-версии. Песни, которые нравились публике. – Короткая пауза. – Этого хватало на оплату счетов... какое-то время.

– Кстати, о Сэме: как он поживает?

Она опустила глаза.

– Мы долго не разговаривали. Когда я позвонила ему, он позвал меня назад, но... Не думаю, что он простил себя за то, что стрелял в тебя. Если бы он знал, что это ты, то никогда бы не нажал на спусковой крючок. Он думал, что это просто двое парней...

Я оставил эту историю без комментариев. Решил, что сейчас не время корректировать ее взгляд на события.

– Что между вами произошло?

Я слышал замешательство в ее голосе.

– Я смотрела на Сэма как на взрослого дядю. Он смотрел на меня, как на... в общем, я была молода. Мне понадобилось время, чтобы понять, что мужчина на тридцать лет старше меня может хотеть от меня чего-то более интимного. – Она пожала плечами. – Через несколько месяцев после твоего отъезда он пришел ко мне в некотором волнении и заявил, что собрал коллекцию действительно великих песен и теперь хочет сделать дополнительную запись вслед

за успешным альбомом, который мы с тобой сделали. Так мы и поступили. И он был прав, это была превосходная коллекция баллад. Прямо в яблочко. Два платиновых альбома, пять первых мест в списках хитов. Мы оседлали волну. На первый взгляд все шло замечательно.

Потом он развелся с Бернадеттой. Когда я вернулась домой после турне, меня ждал ужин при свечах, он сидел в рубашке, расстегнутой до середины груди, и это выглядело как романтическое свидание. Он положил руку на мое бедро, но я оттолкнула его и сказала, что отношусь к нему совсем по-другому. Я съехала с квартиры, которую он снимал для меня, и отдала ему ключи. Чувствовала, что это лучше для наших отношений. Мне надо было оставаться на профессиональном уровне. Он повел себя очень хорошо... сказал, что его устроит любой вариант, лишь бы я была счастлива.

Она села на кровати и подтянула ноги к груди, обхватив себя за колени.

– Потом я пришла в студию для записи четвертого альбома. Его помощник вел мой «Мерседес», и песни, которые я должна была записать, были не похожи ни на что из того, что я делала в прошлом. Они были безжизненными. Поверхностными. Попсовые карамельки. Когда я связалась с Сэмом, он сказал, что современный список доступных песен весьма ограничен. Такое случается в бизнесе. Жизнь в Нэшвилле – это производное от того, кто пишет лучшие песни. Это было лучшее, что он мог предложить. – Она взглянула на меня. – Потом он нашел новую девушку, и она сделала запись, где некоторые песни были больше похожи на мои, чем на ее. Потом появились еще две девушки, точно такие же, как она. Несколько песен имели реальный успех.

Траектория карьеры Делии к этому времени резко пошла вниз, поэтому я продолжил расспросы:

– Что случилось с твоим четвертым альбомом?

Она прислонила голову к изголовью кровати.

– Индустрия изменилась. Около года я проболела. Какая-то зараза в горле плюс непреодолимая усталость. Мне делали инъекции в голосовые связки, чтобы я могла хотя бы выполнять свои обязательства. Это не помогало. Мне хотелось только спать, как будто я страшно устала. Я могла только открывать рот, но звуки были безжизненными.

Я долго хотел узнать, что произошло после того, как я уехал из Нэшвилла. Теперь я знал. Двадцать лет она ходила по земле, принимая Сэма за доброжелательного дядюшку, не держа никакой обиды и попросту веря в то, что она была талантливейшей певицей, которой не повезло с записями. Сэм был хорошим парнем, который «по ошибке» стрелял в меня и чувствовал себя виноватым. Именно поэтому он замял это дело. Так и не выдвинул обвинения в преступлении, которое, как он утверждал, было совершено. Более того, он защищал Делию и ее карьеру, – по крайней мере, она так думала.

Это был один из возможных сценариев, который не приходил мне в голову.

Она моргнула. Из уголка ее глаза выкатилась слезинка и поползла по носу. Она еще ближе подтянула ноги к груди.

– Я высматривала тебя в толпе, – прошептала она.

Я открыл окно, задернул занавески и положил к ее ногам еще одно одеяло.

– Здешние горы поют нежные песни. Они убаюкают тебя.

Она заснула, прежде чем я закрыл дверь.

Я добавил в камин дров, а потом взял полотенце. Потом я пошел к ручью, разделся при свете луны, забрел в воду по уши и отмокал до тех пор, пока ледяная вода не стала казаться теплой.

С учетом снеготаяния, температура воды в ручьях и речушках вокруг Буэна Висты зимой остается немного ниже пяти градусов по Цельсию. Добавьте к этому силу течения, которое омывает вашу кожу с постоянной скоростью, и вы получите нечто вроде упаковки тела в сухой лед. Здесь, на заднем склоне горы Антеро и горы Принстон, где сходятся горы Боулдер, Мамма,

Гризли, Циклон и Уайт, образовался странный феномен. Это глубокая каменная чаша с высокими стенами, которую мой отец любовно называл «Божьим тазиком для бритья».

Независимо от августовской жары, в этой чаше каждый год лежит снег, и так было всегда на людской памяти. Есть вероятность, что там до сих пор лежит снег, выпавший пятьдесят лет назад. Как бы то ни было, талая вода из «Божьего тазика для бритья» течет в озеро Болдуин и озеро Померуа. Чтобы попасть туда, она пробивает природную скважину в горной породе, образуя водопад высотой в десять футов, и наполняет второй каменный бассейн как раз над нашей хижинкой. Отец называл его «Божьей тарелкой каши». Думаю, он был голоден, когда придумал такое название. Оттуда вытекает ручей, образующий веерный душ, под которым трудно стоять, принимая во внимание холод и давление воды. Чувствуешь, как будто тысячи игл вонзаются под кожу. «Божья тарелка каши» имеет размеры среднего плавательного бассейна и полна нежнейшей шестидюймовой форели, которая мечется вокруг каменных выступов и, насколько мне известно, не встречается больше нигде в мире. Ледяная вода переполняет чашу и начинает головокружительный спуск в долину, где в конце концов тонкой струйкой впадает в реку Арканзас.

Для меня было ценным то обстоятельство, что «Божий тазик» создавал равномерный поток воды, которая была в формальном смысле холоднее льда и находилась лишь в ста футах от моей задней двери, независимо от того, насколько жарким был летний воздух.

Первые тридцать-шестьдесят секунд были наиболее болезненными. После этого я практически ничего не чувствовал. По правде говоря, через пять-шесть минут разум начал подсказывать мне, что я согрелся.

Глава 9

В первый день она крепко спала. Даже не переворачивалась с боку на бок. На второй день я проверил, нет ли у нее лихорадки, откинул с лица рассыпавшиеся волосы и сел рядом на кровати, вдыхая ее аромат. Я оставался там целый час, может быть, два часа. Я много думал о том, что она знала, о том, чего она не знала, и о том, будет ли хоть какая-то польза от правды.

На третий день я приподнял ее голову, накормил куриным бульоном и заставил съесть тост с арахисовым маслом. Когда она закончила, то откинулась на подушку, закрыла глаза и выпростала руку из-под одеяла. Она потянулась ко мне. Я взял ее руку в ладони и держал, пока она не уснула. Ее рука была огрубевшей, и если по ней можно было прочитать какую-то историю, то это была не история нежности.

Когда она проснулась на четвертое утро, я услышал, как она разговаривает по моему стационарному телефону. Я не мог разобрать слова, но ее тон был извиняющимся, как будто собеседник на другом конце линии был недоволен. Она повесила трубку и тут же позвонила еще раз. Судя по голосу, она хотела получить какую-то информацию. Когда она появилась несколько минут спустя, я так и не пришел к определенному решению. Правда о нашей жизни могла лишь открыть ящик Пандоры, и я задавался вопросом, не будет ли так еще больнее. Она и без того много страдала.

Ее глаза были затуманены после долгого сна. Она надела один из моих флисовых пуловеров от «Меланзаны», налила себе кофе и нашла меня на крыльце с Джимми на коленях. Не знаю, как долго она простояла там, прежде чем я увидел ее у дверного косяка.

В долинах под нами проплывали облака. В ста милях к западу темный облачный фронт угрожал первым в этом году снегом. Когда она заговорила, ее голос был мягким, но не безмятежным. Беспокойство вернулось вместе с защитной оболочкой. Она как будто оправдывалась передо мной.

– Слушай, я... я просто поговорила с ребятами из Билокси. Они теряют терпение. Предполагалось, что я приеду туда позавчера. Они сказали, что по Интернету гуляет видео, где я пою в баре. Масса просмотров, и люди уже звонят, чтобы узнать насчет меня. Музыкальные площадки начинают продавать билеты. Это может быть неплохой шанс.

Пока она говорила, я рассматривал ее. Он сняла бандажную повязку. Ее рука была еще припухшей, но синяк стал уже темно-лиловым. Между тем круги под глазами исчезли, и в них снова теплился свет.

– Мне очень жаль... Я узнала расписание автобусов. Могу я попросить тебя, чтобы ты подобрал меня до автобусной станции?

Мое сердце испытало чувство, которое оно не испытывало уже очень долгое время. Пожалуй, самым близким словом для его описания было «боль». Я отложил Джимми и надел ботинки.

– Разумеется.

Она смотрела на Джимми, сдвинув брови. Когда она прикоснулась кончиком мизинца к дырке от пули, я снова увидел, как вопрос вертится у нее на языке. Должно быть, она передумала, потому что сказала лишь:

– Я быстро приму душ.

Когда она вернулась из душа с влажными волосами и благоухая мылом, я положил в карман ключи от джипа.

– Готова?

На ней была ее одежда и полупустой рюкзак.

– Да.

Мысль о том, что она приедет в Миссисипи без инструмента, не давала мне покоя.

– У тебя есть еще три минуты? Хочу тебе кое-что показать.

На ее лице появилось умоляющее выражение, которое я не знал как истолковать.

– Да, конечно.

Рядом с кухней находилась тяжелая деревянная дверь с тремя замками. Я отпер все три, включил свет и распахнул дверь.

– Когда мы с тобой познакомились, я не мог оторвать руки от твоей гитары. – Я рассмеялся. – С тех пор не так уж много изменилось.

Она вошла в комнату, словно в больничную палату; движения ее челюсти и бровей находилось в противофазе. Она начала считать, поводя пальцем вверх-вниз от одной стойки к другой.

– У тебя шестьдесят четыре гитары? – спросила она, когда закончила.

Количество удивило меня самого. Это звучало впечатляюще.

– Даже сам не знаю, как так получилось...

Она огляделась по сторонам и пробормотала себе под нос:

– У тебя их так много, что ты сбился со счета.

Я обшил комнату панелями из западного красного кедра и установил осушитель воздуха. Он автоматически включался, если влажность превышала 50 процентов, но с учетом аридного климата это случалось не часто.

Делия двинулась по комнате, прикасаясь к каждой гитаре. Тут были «Мартины», «Макферсоны», «Гибсоны», несколько «Коллингзов», «Тейлоров» и другие. Она выглядела искренне потрясенной.

– Это прекраснейшая коллекция, какую мне приходилось видеть. Ты настоящий гитарный скопидом.

– Меня называли по-разному, но это новое прозвище. – Я отошел в сторону, пока она продолжала расхаживать между рядами. Гитары висели на стойках одна над другой, как одежда в прачечной.

– Если я играю слитно, ничто не сравнится с «Макферсоном». Знаешь, как говорят: ты можешь взять аккорд, сходить на ланч, а когда вернешься, гитара еще будет звенеть. Гармоническое совершенство. Но иногда мне нужно, чтобы нота затихала, а не продолжала звучать, так что, если я пощипываю струны или играю перебором, ответ зависит от того, какой сегодня день недели. – Я пожал плечами. – Трудно превзойти D-28 или D-35.

Она повернулась ко мне:

– Я ужасно рада за тебя.

Я махнул рукой в сторону гитар:

– Выбери одну.

– Что?

– Любую, какую захочешь.

Она отступила назад.

– Пег, я не могу.

Она впервые назвала меня Пегом. Это прозвище естественно и бездумно слетело с ее языка. За один удар сердца мы стали на двадцать лет моложе. Мой голос остановил ее отступление.

– На чем ты будешь играть, когда попадешь туда, куда собираешься?

Она отмахнулась, но я понимал, что эта мысль ее беспокоит.

– Спасибо, но у меня есть какие-то деньги. Я что-нибудь подберу.

– Ты не очень хорошая лгунья.

Она прошла между рядами, прикасаясь к колкам.

– Они говорят, что я смогу что-нибудь позаимствовать у них.

Значит, она уже договорилась с людьми из Билокси. Это доказывало мои подозрения; она беспокоилась из-за инструмента. Я выбрал «Макферсон» и протянул ей:

– Это Роза. Ее голос подходит к твоему. – Я положил инструмент ей на руки. – Пожалуйста.

– У нее есть имя?

– У всех моих гитар есть имена.

– Но, Купер...

– Пожалуйста, – повторил я. – Ради старых времен.

Она повернула гитару в руках.

– Я не могу себе позволить...

– Это подарок. Тебе не нужно платить.

Осторожно, чтобы не повредить руку, она исполнила несколько аккордов, потом снова повернула гитару и сказала:

– Она прекрасна. – Подойдя ближе, она поцеловала меня в щеку. – Спасибо тебе. – Она поцеловала меня еще раз, на этот раз ближе к уголку рта. – В самом деле, я не знаю, что...

Я снял с полки жесткий футляр и положил туда гитару, добавив несколько наборов легких струн и дюжину медиаторов, и направился к джипу. Она тихо пошла за мной.

Спускаясь по склону, она грызла ноготь и старалась не смотреть на меня. Но у нее не слишком хорошо получалось.

Автобусная станция Буэна Висты – не более чем место на тротуаре, где останавливается автобус по пути из Лидвилля в Салиду. Вы покупаете билет на почте, а когда видите автобус, то машете рукой. Это старомодный, но эффективный способ.

Я купил ей билет до Миссисипи, несмотря на протесты. Потом я отвез ее в кофейню, где заказал для нее «Хони бэджер», а потом мы прогулялись по тротуару и стали ждать автобус. Пока ее губы были покрыты молочной пенкой, я достал бумажник и протянул ей деньги, которые у меня были с собой. Несколько сотен долларов. Вместе с тем, что она собрала на улице и когда пела в «Канате», этот составляло около тысячи. Вероятно, больше, чем у нее водилось уже долгое время.

Она пыталась возражать, пыталась выглядеть строгой и суровой:

– Нет, Купер. Я не могу.

Я снова протянул сложенные купюры:

– Я заработал эти деньги на твоём голосе.

Она посмотрела на доллары.

– Мой голос уже давно никому не приносил денег.

Я засунул деньги в карман ее куртки. Она стояла со скрещенными на груди руками, высматривая транспорт, идущий на юг. Какое-то время мы оба молчали.

– Я хорошо повеселилась вчера, – наконец сказала она. – Или когда это там было, когда мы играли. Кажется, будто вчера.

– Я тоже.

Она посмотрела на горы.

– Я уже долго не чувствовала себя такой отдохнувшей.

Мой взгляд остановился на вершинах хребта Колледжиэйтс. Потом я посмотрел на часы, оставалось еще несколько минут.

– Горы имеют такое свойство.

Я много раз репетировал эту речь. Теперь, когда представился случай, я не мог подобрать вступление. Я хотел, чтобы Делия знала правду. Хотел исправить нашу историю. Но мне нужно было остановиться в шаге от полной правды. Ложная надежда еще хуже, чем ложная история.

Мой голос упал до хриплого шепота.

– Помнишь, когда мы только познакомились, я рассказал тебе, как моя мама подарила отцу гитару после того, как они поженились?

– Да.

– Я рассказал тебе, как вырос, играя на этой гитаре, а когда я уехал, то украл ее у отца. Она кивнула.

– А помнишь, когда я приехал в Нэшвилл, то кто-то украл ее у меня?

Еще один кивок.

– Ты помнишь имя этой гитары?

Она порылась в памяти.

– Фрэнки? Арчи? Что-то с «и» на конце.

– Джимми.

– Точно.

– Сегодня утром ты видела, как я играл на D-28 с дырочкой под резонаторным отверстием. Ты еще сунула туда мизинец.

Она кивнула.

– Это Джимми.

Делия замешкалась. Кусочков головоломки было слишком много, а мы не приблизились к цели.

– Где дырочка?.. – Она замолчала.

– После пожара Сэм рассказывал две истории, помнишь?

Она едва заметно кивнула, вероятно, недоумевая, зачем нужно беречь старую рану.

– Что, если ни одна из них не была правдой?

– Это трудно доказать.

– Но что, если так?

Ответа не последовало.

– Что, если существует третья история? Правдивая.

– Тогда возникает простой вопрос, почему ты не любил меня так, чтобы сказать мне. Чтобы бороться за меня.

Я уже собирался открыть рот, когда за моим плечом появился автобус, и пронзительное шипение пневматических тормозов оборвало ниточку надежды, протянувшуюся в воздухе между нами. Иногда поднять вопрос о возможности существования правды бывает лучше, чем сказать правду. К тому же мое время истекло.

– Что, если я любил тебя недостаточно сильно, чтобы сказать тебе?

Автобус остановился, и дверь открылась. Водитель ждал.

Делия надела рюкзак на плечо и подняла «Макферсон». Тяжесть прошлого снова легла ей на плечи.

– Ты когда-нибудь думаешь о «Раймане»³⁶?

Я поцеловал ее в щеку.

³⁶ Имеется в виду исторический музыкальный зал «Райман» почти на 2500 мест в Нэшвилле, штат Теннесси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.